

УДК 94(47)+94(436)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/6

И.П. Филевич и Карпатская Русь

Ч. 2. Карпатская Русь в научном наследии учёного

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Русский историк И.П. Филевич (1856–1913), уроженец Холмщины и сын униатского священника, выходца из Галичины, приехавшего по приглашению русских властей в Холмщину, всю свою жизнь посвятил изучению истории и современного состояния Карпатской Руси, в т. ч. и родного ему русского Забужья. Тема эта, составлявшая, по мнению учёного, важную часть истории России, к сожалению, оказалась вне российской историографии. Малочисленные работы российских исследователей, написанные большей частью во время посещения данных регионов, восполнить этот пробел не могли. Польские историки освещали историю этих территорий весьма тенденциозно, считая их исконно польскими. Труды галицко-русских историков Д.И. Зубрицкого, А.С. Петрушевича, И.И. Шараневича и др., малоизвестные в России, полной картины истории Карпатской Руси тоже не давали. И.П. Филевич поднял в своих работах проблемные вопросы истории Галичины и Холмщины. В магистерской диссертации «Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие» он исследует «тёмный» период истории Галицкой Руси – с 1340 до 1433 г., до окончательного присоединения захваченных земель к Польше и образования из них Воеводства Русского. В докторской диссертации «История Древней Руси. Т. 1. Территория и население» он описывает историю изучения Карпатской Руси в новое время, пытается выяснить западные границы «русской территории», указывает на наличие русского населения в Трансильвании. В других работах он даёт характеристику процессов воссоединения униатов и «возрусения» в Холмщине, вскрывает допущенные при этом ошибки, исследует историю австрийского правления в Галичине и общественно-политическую жизнь русинов, историю унии в Галичине и Холмщине, продолжает изучение судьбы Галицко-Владимирской земли в составе Польши, истории борьбы католичества с православием, поднимает вопрос о важности изучения

«географической номенклатуры» и т. д. Его работы вызывали интерес к проблемам Карпатской Руси, в т. ч. и к Холмщине, со стороны широкой общественности, в частности, и научной, политических деятелей, и в конечном итоге немало способствовали решению вопроса о выделении Холмщины и Подляшья в отдельную губернию.

Ключевые слова: Иван Порфирьевич Филевич, Карпатская Русь, Холмщина, Забужье, Подляшье, Галиция, Угорская Русь, Трансильвания, русины.

I.P. Filevich and Carpathian Rus

Part 2. Carpathian Rus in I.P. Filevich's scholarly heritage

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

The Russian historian I.P. Filevich (1856–1913) was a native of Chełm Land and the son of a Uniate priest, a native of Galicia, who had been invited to Kholmshchyna by the Russian authorities. I.P. Filevich devoted his life to studying the history and modern state of Carpathian Rus, including his native Russian Zabuzhie, which, according to the historian, played an important role in Russian history, but was ignored by Russian historiography, since the few works by Russian researchers, mostly done during their visits to these regions, could not fill this gap. Polish historians were biased in their coverage of the history of these territories, considering them originally Polish. There are few works by Galician-Russian historians D.I. Zubritsky, A.S. Petrushevich, I.I. Sharanevich and others, but they were almost unknown in Russia and failed to give a complete picture of the history of Carpathian Rus either. In his works, I.P. Filevich raises the issues of the history of Galicia and Chełm Land. In his Master's thesis "The Struggle of Poland and Lithuania-Rus for the Galician-Vladimir Legacy", he explored the "dark" period in the history of Galician Rus – from 1340 to 1433, before the occupied lands were finally annexed to Poland to form the Ruthenian Voivodeship. In his doctoral dissertation "History of Ancient Rus. Vol. 1. Territory and Population", he described the history of the study of Carpathian Rus in modern times and tries to identify the western boundaries of the "Russian territory", indicating the presence of the Russian population in Transylvania. In other works, he characterized the reunification of the Uniates and the "return to the Russian roots" in Chełm Land, analysing the mistakes made during

this process. I.P. Filevich studied the history of Austrian rule in Galicia, the social and political life of the Rusins, the history of the union in Galicia and Chełm Land, the fate of the Galicia-Vladimir land within Poland, and the history of the struggle between Catholicism and Orthodoxy. He also emphasised the importance of studying the "geographical nomenclature". His works aroused general, scholarly and political interest in the problems of Carpathian Rus, including Chełm Land, and ultimately contributed a lot to the solution of the problem of separating Chełm Land and Podlasie into a separate province.

Keywords: Ivan Porfirievich Filevich, Carpathian Rus, Chełm Land, Zabuzhie, Podlasie, Galicia, Ugrian Rus, Transylvania, Rusins.

Как уже упоминалось в первой части материала [6], большая часть научных работ И.П. Филевича была посвящена истории и современному состоянию Карпатской Руси, включая и родную ему Холмщину [3; 7 – 26], которая, по нашему мнению, тоже является частью Карпатской Руси [4: 288]. Историк, на наш взгляд, был наиболее компетентным в России специалистом по данному региону.

Все работы учёного можно условно разделить на две части. Первая – научные труды. Сюда можно отнести его монографии, научные статьи, рецензии, ответы на отзывы оппонентов, доклады на археологических съездах, предисловие к сборнику статей Е.М. Крыжановского, речи в Петербургском Славянском благотворительном обществе, отчёты о зарубежных командировках. Последние две позиции освещались нами ранее [6]. Вторая часть – его публицистика, которая сыграла важную роль в информировании российской общественности о проблемах Карпатской Руси, в дискуссиях по холмскому вопросу и последующем решении о создании Холмской губернии [2: 62].

В своих трудах И.П. Филевич исследовал политическую историю Галицко-Волынской Руси с 1340 по 1434 г., историю унии и проблеме воссоединения униатов, этническую, социально-экономическую историю региона, общественно-политическую и религиозную жизнь русинов, пытался определить западные границы Русского мира, поднимал вопрос полонизации русинского населения, проанализировал сведения о Трансильванской Руси и т. д.

Первая его научная статья «Забывтый угол», вышедшая в 1881 г. в «Историческом вестнике» [7], была посвящена истории Холмщины. Она интересна тем, что И.П. Филевич подробно разобрал допущенные церковными и светскими властями ошибки при «русификации» и «воссоединении» церквей и показал негативную, по его мнению, роль в этом приглашённых священников из Галичины.

Учёный выразил недоумение, почему Холмская Русь – «земля Романа и Даниила» – «теперь, по не понятным для обыкновенного смертного причинам, входит в состав десяти польских (!!) губерний, и в глазах большинства наших отечествоведов является чисто польской землёй» [7: 79]. В материале он поставил перед собой задачу «сообщить русскому обществу главнейшие сведения об этом забытом уголке Руси, дать ему возможность верно оценить нынешнее его положение» [7: 80–81].

Коренное население Холмщины составляло более 200 тыс. малорусского населения. Немногочисленное польское население было сосредоточено в основном в имениях, принадлежавших польским помещикам (фольварках). Униатская вера считалась холопской, положение местного населения было незавидным, и «единственным стражем и оберегателем его было сельское духовенство, бедные, забитые, принижённые "помилуйки" (прозвище униатских священников. – С.С.), на всяком шагу оскорбляемые польскими панами и гордыми, заносчивыми "оремусами" (*oremus* ("Давайте помолимся") – прозвище католических священников. – С.С.)». «Хлопский ксёндз» был в глазах польских панов «лицом низшей породы». Нередко униатские священники наравне с «хлопами» отбывали панщину. Поэтому сельские священники понимали, что только народ, обзываемый «псом-русинном», был близок к ним, приходил в трудную минуту за советом, приносил свои убогие подаяния и у алтаря вместе со священником отводил свою душу. И хотя духовенство в своей массе было невежественно и необразованно, требования населения были невысоки, и поэтому за несколько веков образовалась тесная связь униатского духовенства с народом [7: 81].

Ко времени очищения обряда и воссоединения картина переменялась. В унию началось «распадение, "разделение на ся"». Священники стали уже не теми «помилуйками», которые не брезговали «хлопским обществом». Это были «цивилизованные, эlegantные люди, прослушавшие в холмской семинарии курс богословия по-латыни, на гимназической скамейке сидевшие со своим паном-помещиком, тяготившиеся своим положением хлопского ксёндза и с завистью посматривавшие на жирных оремусов». Они вкусили плод «западно-европейской цивилизации, и какую бедную, неприглядную, мрачную показала им Русь и всё русское, какую светлую, очаровательную картину представляла тут же обок стоявшая Польша». Произошло то же, что и ранее на всей территории, занимаемой малорусским народом. «Цивилизованный униатский священник перестал быть стражем и оберегателем русской народности», он стал представителем унии (обряда) и сам не знал, к какому народу себя причислять [7: 82–83].

На территории Холмской Руси было много католических костёлов и монастырей, славившихся своими «отпустами» (храмовыми праздниками). Туда приходили и униаты, привлечённые проповедями монахов, роскошными церемониями и слухами о чудесах. Стекалась масса приношений, которая потом раздавалась духовенству в виде «облиг» (предварительная плата за известное число обеден (1 руб. – за петую, 50 коп. – за «шептушку»). Сюда устремились бедные униатские священники, для которых «облиг» стал существенным доходом. В результате они попали в материальную зависимость от ксёндзов. В свою очередь бедный «помилуйка» был рад, что вошёл в общество панских ксёндзов и сблизился с паном. Но окупить свой вход в данное общество пришлось искажением обряда. Народ, прежде не воспринимавший нововведения, постепенно стал привыкать к ним. Органы и другие принадлежности католического богослужения, действующие на чувства, понравились ему. Под сводами русских церквей стали раздаваться польские гимны, которые народ по простоте своей стал нередко считать более угодными богу. В его глазах это были атрибуты «панской веры», которая не могла быть хуже «холопской». Униатская церковь потеряла всякую самостоятельность, подляшский католический епископ Вениамин рассылал распоряжения и униатским священникам, каждый ксёндз считал себя вправе вмешиваться в дела униатской церкви. Полная подчинённость унии выразилась в назначении епископом Иоанна Калинского. Как пишет автор, «для русской народности в Холмщине настали последние дни. Но чаша переполнилась». И после увольнения Калинского (1866 г.) «начинается эра её духовного обновления». Священники стали получать жалование, освободившись таким образом от материальной зависимости от ксёндзов. Однако первая попытка «к оживлению русской народности и искоренению утвердившегося полонизма была встречена недоброжелательно». Хотя униатские священники не имели ничего против проповедей на русском языке, но они не нравились латинянам, и священники, получая рассылаемые проповеди, «соблюдали только приличие перед недавними своими покровителями» [7: 83–85].

Вскоре в Холмщине появляются приглашённые правительством галичане. На них, «щирых русинов», как «на испытанных бойцов за свою народность» возлагались большие надежды. Правда, учёный выразил сомнение, что их привлекло «единственное желание помочь своим братьям», припомнив басню И.А. Крылова «Пчела и муха». «Покровительствуемые правительством новые возрусители прибыли, однако, не с словом любви и мира на устах, а с явною враждой к местному элементу, обнаружившемуся в открытом нежелании сблизиться с местным духовенством и в какой-то страстной нетерпимости к местным

обычаям и порядкам, нередко отличавшимся чертами древнерусской старины». К сожалению, Холмской консистории во главе с архипресвитером не хватало энергии «умерить пыл пришельцев» [7: 85].

Помимо того, что галичане не наладили контакт с местным униатским духовенством, они в большинстве своём «не умели подойти к народу, их образ мыслей и привычки слишком резко расходились с местными, их жаргон казался народу странным; во всех их действиях и поступках замечается неумение держать себя в известных границах, какая-то страстная поспешность в желании засвидетельствовать своё усердие, всего более раздражавшая народ». Было ещё одно важное обстоятельство: у галичан не было отпускных грамот (*litterae dimissionales*), «они, по словам галицкого стихотворения, "примчались" в Холмщину "самохот"», и в глазах местных жителей были нарушителями канонического права. Как отмечает И.П. Филевич, при «возрусении Холмщины» на это не обращали внимание, хоть это и мелочь, «но будь они у галичан, и положение их было бы далеко не так щекотливо» [7: 86–87].

Галичане не пользовались расположением народа, «ни один из них не дал себе труда приноровиться к народным вкусам и привычкам; большинство из них, не дожидаясь прямых предписаний власти, исключило решительно всё, напоминавшее о латинстве, а были и такие, которые, из усердия не по разуму, отпустили бороду и переменяли покрой платья. Народ окончательно отвернулся от них» [7: 87].

Была и ещё проблема: после Калинского униатская Холмская епархия управлялась архипресвитерами, которые вместе со светской властью проводили реформы. Униатское духовенство, воспитанное на католическом представлении о церкви, не могло смириться с тем, что эти важные перемены не санкционировались высшей духовной властью. Поэтому, «будь в Холмщине епископ, и, конечно, не было бы и десятой доли тех беспорядков, какие происходили, и, во-вторых, половина, если не больше, священников, покинувших приходы, осталась бы на месте» [7: 87].

Вывод автора: «... галичане с первого шага стали на ложный путь, внесли в Холмщину не мир, а раздор и вражду; в их нетерпимости и заносчивости ясно сказалось влияние иезуитско-католического воспитания, какое получали они в семинариях, а некоторые и в академиях (прибавим: католических); жаль только, что их воспитатели не передали им того такта и умения вести дела, каким отличаются сами» [7: 87].

М.Е. Куземский, который правил епархией после Калинского на протяжении трёх лет, «был совсем неспособен умиротворить» её.

Он был «представителем того галицкого партикуляризма, который развился в Галичине в борьбе с польским элементом, но вырос на почве унии и папизма. Куземский не любил поляков, но терпеть не мог, когда при нём говорили по-великорусски, и сам объяснялся уродливым книжным галицким языком». Успешному делу «возрусения края» мешало отсутствие центральной власти, от которой бы исходили все распоряжения. Консистория «рассылала различные циркуляры, рапорты, отношения, предписания, всё более и более волновавшие народ». Ограничившись канцелярской перепиской, «она возложила всю тяжесть умиротворения епархии на сельское духовенство», что было «ему не по силам» [7: 88–89].

В 1874 г. «некоторые земляки покинули приходы», причём не все из них были «польские патриоты фанатики» (те лишились должностей ещё в 1868 г. за поддержку польского восстания. – С.С.). «С 1874 г. церкви опустели, народ перестал обращаться к священникам за исполнением духовных треб, волнение достигло высочайшего пункта... Если и прежде действовали подозрительные личности, ходили по рукам "пастырския послания", то теперь они появились ещё в большем числе... Оставшимся на приходах священникам народ прямо указывал на покинувших свою паству как на людей святых, пострадавших "за веру!"» [7: 90–91].

С 1875 г., со времени окончательного воссоединения с православием, разделение священников должно было бы прекратиться: все стали православными священниками Холмско-Варшавской епархии. Однако на самом деле было не так. Высшая церковная власть не делала различия между духовенством «по принадлежности его к той или другой партии, стали ценить только действительные заслуги». В результате, как пишет И.П. Филевич, «поднялся тот шум, отголоском которого можно считать несколько статей, появившихся в "Церковно-общественном вестнике". Не исчезло различие между духовенством и в глазах народа. Признавая в теории всех одинаковыми, народ по-прежнему не благоволил к галичанам» [7: 91–92].

Говоря о простом народе, автор отметил, что «в последние дни унии духовенство в Холмщине потеряло характер стражей и оберегателей народности, что в этом отношении народ был предоставлен самому себе. Но, несмотря на беспомощное положение, несмотря на бесчисленные соблазны и искушения, русский народ в Холмщине исполнил своё святое назначение и остался передовой стеной русской народности на западной её окраине. В настоящее время, когда вопросы национальные играют такую важную роль в жизни народов вообще, мы не можем не сказать сердечного спасибо этим так называемым "русинам" за их стойкость и выдержку» [7: 92–93].

И.П. Филевич напоминает, что в Люблинской и Седлецкой губерниях, буквально в 70 вёрстах от Варшавы, в сёлах и местечках любой «услышит тот же малорусский язык, каким говорят в Волынской, Подольской губерниях», встретит такие же понятия и обычаи, как «по всей территории, занимаемой малорусским народом». Правда, в городах «многие мещане перешли в католичество, а вместе с тем отпали от своей народности», оставшиеся униатами тоже «переняли много польских обычаев и даже язык, но тем не менее не могли они считать себя вполне поляками». Учёный приводит в качестве примера одного «старшего братчика в небольшом городке, униата, породнившегося с поляками и считавшего себя поэтому аристократом. Он всегда говорил по-польски и не только, так сказать, в официальных случаях, но даже у себя дома; одним словом, это был униат совсем ополячившийся. "Отче наш" он знал на трёх языках; начинал по латыни, затем говорил по-польски и наконец прибавлял: "a dla lepszego wyrozumienia ą Panie", "Отче наш, иже еси..."». Т. е. есть русский язык считал «наиболее понятным Богу!» [7: 93–94].

Автор снова коснулся болезненной для Холмщины темы «возрусения и воссоединения», отметив, что «тёплого, сердечного отношения» к её деятелям в крае нет. Он подчеркнул, что первоначально цель правительства была «не в воссоединении, а в возрусении Холмщины», т. е. стоял вопрос не религиозный, а политический. «Первый почин был как нельзя более целесообразным: униатское духовенство было освобождено в материальном отношении от той зависимости, в какой оно состояло всё время у католического клира, в холмской семинарии преподавание было установлено на русском языке, польские гимны и проповеди были запрещены, и, что всего более важно, было основано три классических гимназии для греко-униатского населения и значительно увеличено число народных училищ. Этими действиями правительство заявило, что оно очень хорошо понимает невозможность в несколько лет уничтожить плоды вековых трудов католического духовенства и панов». Т. е. вначале правительство планировало «мирное, медленное воздействие на униатов в смысле обращения их к народности и вере, в смысле постепенного возвращения заблудших сынов на материнское лоно». Правительство возлагало надежды на молодёжь, подготовленную во вновь основанных учебных заведениях. «Но явились новые, чуждые элементы, и дело возрусения и воссоединения приняло совершенно другой оборот». Вместо благоразумности была проявлена непонятная поспешность, желание поскорее покончить с униатским обрядом. «Вот эта-то поспешность в очищении обряда, в чём и выражалось возрусение, была главным грехом возрусителей, принёсшим наиболее зла Холмщине» [7: 94].

«Усердные возрусители» игнорировали местные обычаи, нравы и понятия. Они захотели сделать из Холмщины «сразу самый православный край и притом не на малорусский, а на великорусский лад». Они стали перестраивать церкви, забыв, что «из-за местных святынь совершались исторические подвиги, что и в настоящее время везде, у каждого народа есть местные святители и святыни, пользующиеся особенно любовью и уважением; уничтожить их – значит отнять у народа то, что есть у него самого дорогого». Униатские церкви обыкновенно строились помещиком, но украшались и отделялись прихожанами, нередко церковь украшалась за общественный счёт. Престолы, которых в униатских церквах было по нескольку, украшались «нередко очень затейливой резьбой», у этих престолов, особенно с иконой св. Николая, совершались по воскресным и праздничным дням молебны, акафисты, на них народ любил ставить миски с пирогами и другими приношениями. Поэтому, когда они оказались вынесены во двор, на народ это произвело тяжёлое впечатление [7: 94–95].

Обратил внимание учёный и на следующий момент: в Холме существовала школа причётников. Окончившие её нередко становились сельскими учителями, одновременно получая место и в лучших приходах. И хотя часть из них не уклонялась от своих обязанностей, создавала прекрасный хор, но в большинстве они были «парадными» причётниками, исполнявшими свои обязанности в праздничные дни. Обязанности же причётника исполнялись одним из крестьян. В униатских церквах употреблялся древний южнорусский напев по изданному в Киеве и Почаеве Ирмологионам. Народ к нему привык, знал, и многие прихожане принимали участие в пении. Однако «ревностные очистители обряда, уничтожая латинские примеси, не пощадили и древнерусского напева». «Стали вводить так называемое пение "по кругу", а для более верного успеха молодых причётников обучали исключительно круговому пению. Старые певуны из крестьян должны были стушеваться, потому что кругового пения не знали. Народу новый напев показался монотонным, недостаточно торжественным». «Неприятно было народу и великорусское произношение новых причётников, которым они, как нарочно, особенно любили щеголять». Простым прихожанам не нравилось, когда пели «Господи Помилуй», а не привычное «Господы помылуй»; «Тебе», а не «Тебі, Господы» и т. д., а при пении херувимской происходили открытые скандалы. Униаты пели: «всякую ныне житейскую отверзем печаль!», а новые причётники: «отложим попечение». «Народ при этом обыкновенно громко кричал: "Нам не треба печени (т. е. жаркого), сховай ю для себя, а нам спывай – печаль!"». Были и другие тонкости. В униатском обряде бракосочетания полагалась и присяга, заимствованная у ка-

толиков. Народ привык считать её основной в обряде, и её отсутствие сильно его смущало. Как писал И.П. Филевич, бывали случаи, «когда мужа, недовольные своими жёнами, прогоняли их от себя, вовсе не испытывая угрызений совести и не подвержаясь упрекам односельчан. "Або я тобі присягав?" – говорят они в этом случае жёнам» [7: 95–96].

Автор считал, что «православие, основываясь на внутренней правде, не может стесняться мелкими обрядовыми формальностями в том случае, когда они не изменяют значения и смысла таинства», и «православие никогда не обнаруживало нетерпимости к местным народным обычаям и понятиям, и именно потому оно стало везде, где ни существует, религией народной, национальной, чем никогда не было и не будет католичество». Поэтому, «даже не зная в точности церковного устава, можно сказать, что всё указанное могло бы остаться в прежнем виде, нисколько не вредя ни чистоте восточного обряда, ни русской народности» [7: 96–97].

Говоря о католическом духовенстве, автор замечает, что хотя оно «старается принять вид зрителя, равнодушно смотрящего на всё, что происходит кругом», но «это ещё не значит, что влияние уничтожено». В некоторых приходах до сих пор народ толпами «устремляется на католические "отпусты" в места более или менее отдалённые от русской территории, особенно в Ченстоховский монастырь» [7: 97].

Указал автор на значение сельской школы, из которой «в Холмщине должны выходить не только верные сыны отечества, но и верные сыны православной церкви». В то же время сельский учитель получает всего 120 рублей, причётник – 200 рублей и пользуется при этом ещё церковной землёй. «Россия не обеднела бы, если бы назначили сельским учителям в Холмщине по 500 руб. и надзор за школами поручили хорошо знающим местные условия лицам» [7: 98].

Посещение Холмской епархии преосвященным Модестом (в миру Даниил Константинович Стрельбицкий, с 1878 г. – викарий Холмско-Варшавской епархии. – С.С.), во время которого он показал «удивительный такт и верное понимание характера народа», произвело благотворное впечатление на народ («и как за то не любят его галичане», – добавил автор) [7: 98].

В 1885 и 1886 г. И.П. Филевич опубликовал рецензии на изданные П.Н. Батюшковым VII и VIII выпуски «Памятников русской старины в западных губерниях», посвящённые Холмской Руси [8; 9]. Издание «Памятников русской старины в западных губерниях» было предпринято в начале 60-х гг. XIX в. С 1864 по 1874 г. вышло шесть выпусков, первые четыре были посвящены волынским, два последних – виленским древностям. После этого их издание прекратилось. В декабре 1883 г. на основании доклада министра внутренних дел,

президента Императорской академии наук графа Д.А. Толстого императору Николаю II «состоялось высочайшее соизволение государя императора на продолжение прекращённого издания», и в 1885 г. вышел VII выпуск объёмом 432 страницы, посвящённый Холмщине. Его учёный приветствовал как «явление особенно радостное, особенно благовременное» [8: 150].

Автор рецензии напоминал, что «вековая борьба поляков и русских и в настоящее время далеко не пережита, и теперь в ней так много больных мест, так сильно затрагивает она интересы и чувства обоих народов, что спокойное, беспристрастное изучение даже отдалённой старины представляет нелегко одолеваемые затруднения». Хотя в школе молодых польских историков сильно стремление к исторической правде, как пишет И.П. Филевич, «эта правда слишком горька, скажем прямо, слишком обидна для того, чтобы высказать её во всей полноте». Он упомянул польского историка М. Бобжинского (Bobrzynski) и его труд «Очерк истории Польши» (*Dzieje Polski w zarysie*. 1879). «Произнося справедливый приговор над польским шляхетством, историк не может найти в себе достаточной силы для столь же справедливой оценки отношения шляхты польского народа к другим народам польского государства». Упомянув унию, польский историк говорит «о "кровавом поте", обливаясь которым работал польский народ над цивилизацией восточных пустынь». Под «польским народом» имелся в виду шляхтич, «немедленно закрепощавший себе население этих якобы пустынь», «о благах цивилизации, тяжёлым кошмаром давившей русский народ на всем его протяжении в пределах польского государства, не может быть и речи, если этот народ всеми силами старается от этой цивилизации отрезвиться». Если такое пишет польский историк, стремившийся к объективности, то что можно сказать о других? [8: 151].

И.П. Филевич считал, что «трезвый и справедливый взгляд даже на стародавние отношения Польши и Руси может предвидеться в польской среде вовсе не в близком будущем; он должен будет составить новую стадию в польской исторической науке, но по аналогии с отрезвлением взгляда на шляхту можно с уверенностью сказать, что он появится не раньше, как практика жизни снимет очки с польских глаз и не оставит решительно никакой возможности для каких бы то ни было иллюзий» [8: 152].

Если говорят о тяжёлом положении русского населения в Северо-Западном крае, «то что же сказать о Забужье, о том действительно несчастнейшем уголке русской земли, который даже официально причислен к губерниям Царства Польского». Этот «злосчастный русский угол» представлен в «Памятниках русской старины в западных

губерниях». В нём помещены, как говорится в предисловии от издателя, «исторические свидетельства об исконной принадлежности Забужского края к России, сведения о судьбах Холмщины под чуждою властью, которая для искоренения русской народности и веры стремилась к одной цели – ополячению края, сведения о самозащите православия посредством учреждения церковных братств и о мерах, которые были приняты правительством в ограждение русского простонародья от дальнейшего и окончательного совращения в латинство». Содержание выпуска, пишет И.П. Филевич, «может быть распределено по двум отделам: 1) памятники русской старины с описанием и историей их и 2) краткие очерки, касающиеся и отдалённой старины, и недавнего прошлого Холмщины» [8: 153].

Прямая цель такого издания, считал учёный, – «оживлять в памяти потомства давно минувшую старину. Ещё обязательно эта цель там, где старина как будто онемела. Бедное Забужье не может, конечно, похвалиться многочисленными памятниками, но они есть; увы! многие из них доживают последние дни». И.П. Филевич упоминает о помещённых в «Памятниках» заметках о старинных церквях, рисунках в приложенном к книге альбоме. Задачу подобного издания он видит в собрании на своих страницах «как можно более таких заметок о разрушающихся памятниках старины и таким образом сохранить их по крайней мере в тщательном описании». Помощь в этом своими сообщениями могло бы оказать духовенство Холмско-Варшавской епархии [8: 154].

Рецензент отметил в книге труды, которые могут стать «твёрдым основанием для будущей полной истории края». К ним из первого раздела относятся статьи священника А. Будиловича («Чудотворная икона Пресвятой Богородицы в Холме», «"Апостол" львовской перепечати Ивана Фёдорова Москвитина (1573–1574 гг.)», Г.К. Хрущевича («Белавинская и Столпъенская башни под Холмом», «Посад Коден и его исторические достопримечательности»), Н.И. Петрова («Холмско-подляские православные монастыри: Холмский, Замостский и Яблочинский»). Говоря о материалах второго раздела, учёный выделил работу «почтенного историка» Д.И. Иловайского («Даниил Романович Галицкий и начало Холма»), продолжением которой стал «Город Холм» Г.К. Хрущевича, «Монастыри Юго-Западной России вообще и Креховский монастырь» Я.Ф. Головацкого. Статья «Греко-униаты в Царстве Польском и князь Черкасский» (N.N.) «в многих местах напомнила нам труд одного из почтейнейших деятелей и лучших знатоков края» Е.М. Крыжановского «Князь В.А. Черкасский и холмские греко-униаты», вышедший ранее, о котором в данной статье нет упоминания. В «Очерках быта крестьян Холмской и Под-

лясской Руси по народным песням» протоиерея Н.И. Страшкевича и К.Ю. Заусцинского «мы были бы более удовлетворены простым приведением образцов с ссылками на соответствующие варианты в сборнике Чубинского, который у автора был под руками». Статья Н.И. Петрова «Сплетский архиепископ Марк-Антоний Господневич и его значение в южнорусской полемической литературе XVII в.» «доказывает, что и в Холмщине существовал интерес к полемической литературе в защиту православия» [8: 154–157].

По материалам «Памятников» видно, как отметил рецензент, что «1750 г. был годом поворотным в религиозной жизни населения Холмской Руси», «это понятно: должны же были в чём-нибудь проявиться результаты Замостьского собора». Учёный предположил, что в следующем готовящемся выпуске издатель даст обозрение целых периодов истории Холмской Руси [8: 158].

Говоря о VIII выпуске «Памятников русской старины в западных губерниях», являющемся продолжением предыдущего, И.П. Филевич также разделяет все статьи в нём на две группы: «одни имеют прямое, непосредственное отношение к краю», «другие, то захватывая отдельные моменты его истории, то касаясь некоторых его местностей, имеют к нему или менее близкое отношение, а иногда и довольно отдалённое отношение» [9: 117]. В «Памятниках» приняли участие «не только местные деятели, вообще не заявившие себя более или менее заметными трудами, но и пользующиеся почётной известностью учёные исследователи судеб Западной Руси, как М.О. Коялович, И.И. Мальшевский, О.И. Левицкий, С.В. Шолкович», а также Н.И. Петров и А.В. Лонгинов [9: 118].

Говоря о материалах первой части, рецензент, разбирая статью «Устная народная словесность в Холмской и Подлясской Руси» протоиерея Н.И. Страшкевича, рассматривая её как дополнение к его же статье предыдущего выпуска, указывает, что «если сосчитать все кусочки, помещённые в VII выпуске, разумеется, с указанием местности, то число их не превзойдёт 150, причём мы включаем сюда даже отрывки в две строки. Ввиду такого количества, кажется, трудно пока говорить о неоспоримом поэтическом богатстве холмско-подлясского народа (стр. 454). Мы уверены, что и этот край Малороссии не беден песнями, но прежде всего их следует только собирать, и притом так, как это делали лучшие собиратели наших народных песен, непременно с самым точным обозначением местности, а, пожалуй, и лиц, со слов которых песня записана, – не говорим уже о точном соблюдении особенностей местного говора» [9: 126]. Он заостряет внимание на статье М.И. Городецкого «Последний греко-униатский епископ Холмской епархии (материалы для характеристики деятель-

ности епископа Михаила Куземского)». И.П. Филевич делает вывод, что «эта личность представляет высокий интерес, и жаль, что первая попытка к её разъяснению малоудовлетворительна» [9: 127–137].

В заключение учёный пишет: «Издание ещё не закончено, и потому нам кажется уместным указать, что оно уже дало и чего следует ещё ожидать. Перед нами два толстые тома в 962 страницы, заключающие в себе 36 статей; из них 23 касаются Холмщины непосредственно; остальные имеют с нею более или менее близкую связь». В конце VIII выпуска приложены описание представления униатской депутации из Холмской Руси императору Александру I и алфавитные указатели личных имён к обоим выпускам. Выпуск, как и предыдущий, сопровождается «атласом рисунков, изображающих холмско-русские местности и древности. Рисунки эти превосходно исполнены г. художником Грязновым» [9: 137].

Автор пишет, что издатель встретился с трудностями, собирая материалы, касающиеся «истории малоизвестного Забужья». Однако эта тема затрагивается не впервые. Ей отводилось место в исследованиях галицких учёных Д.И. Зубрицкого, А.С. Петрушевича, И.И. Шараневича, у польских авторов, в описаниях Варшавской православной епархии. Кроме того, «Памятники холмской старины без истории холмских святителей, немислимы». К VII выпуску приложена «маппа царств Галицкого и Володимирского»; «полагаем, что она будет дополнена в следующем выпуске картой всей Холмщины». Исследователь пишет, что «есть карта Люблинской губернии г. Риттиха, к Холмскому месяцеслову за 1871 г. приложена карта двух русских забужных губерний, в 1880 году издана г. Щебальским "Карта русского Забужья", но все они, по нашему мнению, недостаточны: названия местностей большею частью являются на них в польской форме, а если исправлены, то весьма часто неудачно». В свою очередь, есть яблочинский «помянник», в который «занесено свыше 60 названий местностей Подлясья в чисто русской форме» [9: 138–139].

В рецензии на монографию К. Горжицкого «Соединение Червонной Руси с Польшей Казимиром Великим» (Kazimierz Jozef Gorzycki. Połączenie Rusi Czerwonej z Polską przez Kazimierza Wielkiego), которая вышла во Львове в 1889 г., И.П. Филевич отметил, что вторая половина XIV в. «в истории Западной Руси и Польши представляет резкий перелом, закончившийся, как известно, неожиданным и непредвиденным соединением Литвы и Польши, резко изменившим ход как польской, так и западнорусской жизни. Обстоятельства этого перелома чрезвычайно сложны, темны и запутаны. Неудивительно поэтому, что историческая наука подходит к уразумению их весьма медленно». Рецензент указал, что большинство исследований не касаются борьбы

Польши и Литвы за галицко-владимирское наследие после смерти Юрия II. Если взять польскую и русскую литературу, то среди всех земель больше всего внимания уделено Галицко-Владимирской. Однако момент столкновения Польши и Литвы-Руси в 1340 г. и последовавшая затем борьба до 1387 г., как и судьба «Галицко-Владимирской земли за это же и непосредственно следующее время – до смерти Ягайло, остаётся в стороне, не разъяснённую, как будто не поддающуюся исследованию, как будто в самом этом периоде заключается что-то отпугивающее исследователя» [10: 131–132].

Исследуя этот период, учёный указывает, что надо убедиться в достоверности и значении главных источников и «немыслимо брать указанный момент отдельно, рассматривать его самого по себе, без связи и отношения к предшествующему и последующему как в польской, так в русской и литовской жизни, и притом за время особенно мало разработанное». Видимо, для Горжицкого подобных задач не существовало. Он берёт время Казимира само по себе. Коснувшись немного «обстоятельств, предшествовавших 1340 году, он в трёх главах рассматривает ход борьбы Казимира с Литвой-Русью». Первая часть его труда носит название «Политическое соединение Червонной Руси с Польшей», вторая – «Церковное соединение», третья – «Внутреннее соединение Червонной Руси с Польшей». «Все эти "соединения" являются тем более странными, не говорим уже о церковном». Разбирая детально монографию, И.П. Филевич подчёркивает ошибки автора. Галицкая Русь принадлежала Польше не с 1360 г. «До 1387 года Галицкая Русь составляла, так сказать, "забранный край", как называли потом поляки западнорусские земли, оставшиеся в польских руках лишь постольку, поскольку их удерживали в них польские гарнизоны и воздвигаемые поляками крепости» [10: 133–134].

Указал рецензент и на другие неточности: «Почему, например, он считает нужным относить договор Детка с Казимиром не к 1341 г., а ко времени позднему (30)? Почему, далее, первый договор Казимира с литовскими князьями он относит к 1340–1345 гг. (31), когда он, несомненно, относится к 1350–1352 гг.?». Автор «совершенно не знает приводимого Нарушевичем договора 1366 г., хотя мог бы найти на него ссылку в известном ему, по-видимому, "Очерке" В.Б. Антоновича». «Вообще вся первая часть его книжки решительно никуда не годится. По пути действительного научного выяснения хода борьбы Казимира с Литвой-Русью за галицко-владимирское наследие г. Горжицкий не двинул дела ни на один шаг вперёд, не бросил ни одной мысли, сколько-нибудь уясняющей эту борьбу» [10: 135].

Касаясь второй главы, учёный указал, что «именно положение католицизма в Галичине при Казимире представляет яркое доказа-

тельство непрочности в ней польского господства», «слабость, даже ничтожность успехов католицизма» в Галиции во времена Казимира «представляет явление весьма красноречивое». «"Церковное соединение" г. Горжицкого представляет, однако, сшивку до того гнилую, что она ползёт и трещит по всем швам» [10: 135–136].

Говоря о «внутреннем соединении», рецензент спрашивает: «Какой смысл может иметь для историка внутренняя жизнь страны при столкновении одного племени с другим, если он отвергает идею национальности? Г-н Горжицкий вообще не признаёт этой идеи в средние века (28), в частности, относительно Руси он утверждает, что она никогда не отличалась национальной однородностью (4)». «В самом деле, о национальности в средние века говорить "смешно", правда, тогда было другое – религия, но ведь и на неё можно смотреть с точки зрения выгоды. Очевидно, смело можно вести речь о всяческих "соединениях", никакого столкновения, никакой борьбы, никакого противодействия стремлению изменить исконное, старое, а потому привычное, потому же самому и дорогое; ввести на его место новое, непривычное, чужое – никакого, повторяем, отпора всему этому при таком взгляде не было и быть не могло. Ведь ассимиляционные меры были "для короля очень полезны", а способы, которыми они проводились с точки зрения средневекового искусства управлять, были "легальны и разумны", хотя бы даже и грубо насильственные» [10: 137].

И.П. Филевич в конце рецензии пишет: «мысль, что Русь представляла лишь материал, из которого Польша вправе была лепить что ей угодно», давно появилась в Кракове, теперь она перешла во Львов. В книге пропало всё, что составляло смысл полувековой борьбы. «Это австрийщина в науке» [10: 138].

Магистерская диссертация И.П. Филевича «Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие» вышла отдельной книгой в 1890 г. Ранее она была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (1889. Ч. 266. Ноябрь С. 135–187; Декабрь. С. 280–304; 1890. Ч. 267. Январь. С. 95–135; Февраль. С. 253–302; Ч. 268. Март. С. 119–168).

Монография была посвящена К.Н. Бестужеву-Рюмину, состоит из предисловия, описания предмета исследования и пяти глав. Как написал автор в предисловии, «в предлагаемых очерках мы неоднократно имели случай указывать, что за всё время самостоятельности Галич не только ничем не выделялся в ряду других русских земель, но что ход его внутренней жизни представляет замечательную аналогию с ходом исторического развития земли, ставшей впоследствии ядром объединения Руси». И.П. Филевич отметил, что «некоторые важные моменты были как бы предвосхищены Галичем: здесь раньше старым

городам был противопоставлен новый город, княжий Галич, здесь же раньше начинается объединение земель, и одновременно на юге и севере стараются переместить в свои земли представителя духовного единства Руси». Представителями этих проявлений являлись князья волынские, но «возможность их осуществления опиралась, очевидно, на Галич». «Эти идеи скоро стали общим достоянием населения и поддерживали целостность земли при слабых Даниловичах и Юрии-Болеславе. Но на галицко-волынской почве они не могли осуществиться. Другая земля, шедшая, как мы видели, по следам Галича, явилась их полною выразительницей. Роль Москвы определилась как раз тогда, когда над Галичем разразилась гроза, и как раз незадолго до окончательного прекращения борьбы на западе был нанесён первый решительный удар вековому врагу на востоке, причём пало значение Литвы как русской державы». «Победа на востоке стала залогом будущей победы и на западе». Автор считал, что это говорит о тесной связи «исторической жизни обеих половин русского мира, при всём видимом различии её хода. С этого времени связанный с Польшей Галич является местом постоянного противодействия Польше, а в силу этого он был объектом непрерывного воздействия с её стороны». Учёный исследовал период до 1433 г. (окончательное присоединение к Польше земель Галицко-Волынского княжества, захваченных в последней четверти XIV в., и образование около 1434 г. из них административно-территориальной единицы Польского королевства – Воеводства Русского. – С.С.) [11: VII–VIII]. Как отметил автор, 1433 г. «был для Галицкой Руси завершением того процесса, какой с 1569 года начинается на всём пространстве Литовско-Русского государства» [11: 3].

Хотя то, что происходило позже, имеет тоже большое значение: именно Галицкая Русь выработала идею церковного братства и распространила её по другим русским областям как средство сохранения православия. На галицкой почве Русь столкнулась с Польшей, Польша восторжествовала, но «ни претворить в себя Русь, ни тем более уничтожить её Польша оказалась не в силах» [11: VIII]. В рассматриваемом периоде, важном для общерусской истории, не только определяется значение предшествующей деятельности Романа и Даниила, но и, главное, «взаимное отношение главнейших частей русского мира – юной Москвы и старого Галича в период непосредственно следующий». Также это время является исходным моментом вековых отношений Западной Руси с Польшей, «которые не могут быть поняты правильно без правильного освещения их начал» [11: X].

В первой главе «Польша, Литва и татары до 1340 г.» вкратце описывается внутри- и внешнеполитическое положение Польши,

расширение Литовского княжества, взаимоотношения Галицко-Волынского княжества с соседями, в т. ч. и татарами, усиление власти татар в Галицкой земле с конца XIII в. [11: 5–54].

Во второй главе «Очерк военных действий 1340–1387 годов» исследуются ситуация, сложившаяся после смерти Юрия-Болеслава, переписка польского короля с папским престолом и другие документы папской канцелярии, начало военных действий против Галицкой Руси, в т. ч. весенний поход 1341 г. Казимира III, борьба Польши и Литвы за галицко-волынское наследство после захвата Казимиром галицкой земли в 1349 г. После смерти Любарта борьба за галицко-волынское наследие прекращается. Автор отметил, что до 1344 г. Галицкая Русь оставалась под управлением Детка совершенно независимой от Казимира. В 1386 г. литовско-польский князь Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и стал польским королём Владиславом II Ягелло. Галицкое княжество осталось за Польшей. Хотя некоторое время к нему предъявляла претензии Венгрия, но спор был дипломатическим и на судьбу Галиции уже не влиял [11: 55–120].

Главу «Дела церковные» автор начинает с краткой истории взаимоотношений католичества и православия после разделения церквей в 1054 г. и взятия в 1204 г. Константинополя войсками крестоносцев. Он напоминает о начавшейся тогда католической экспансии на русские земли: в 1204 г. папский посол предлагал галицко-волынскому князю Роману принять католичество, обещая ему королевский титул. В 1208 г. папа Иннокентий обращается ко всему русскому народу и духовенству, находя нецелесообразным упорство части греческой церкви (русской церкви) в разделении и извещал о посылке легата, предлагая оказать ему во всем послушание. Послание осталось без ответа. Оно служит «доказательством отдельности русского православия от Рима», а попытки папы подчинить его «достаточно ясно указывают, что отдельность никогда не прерывалась» [11: 121–123].

Попытки введения католичества, по крайней мере пропаганды его, были во времена краткого господства венгров в галицкой земле до окончательного утверждения власти Даниила [11: 123–124]. Несмотря на то что в Галицком княжестве действовали доминиканские проповедники, а затем и францисканцы, особых успехов они не достигли, и до 1232 г. на Руси не было никакого католического епископа. Лишь после 1234 г. аббат Опатовского монастыря Герард (Опатув – город в Польше, входит в Свентокшиское воеводство. – С.С.) был возведён в сан русского епископа с резиденцией в Любоше (Любош с 1250 г. политически, а после 1378 г. в церковном отношении отпал от Польши, став частью Бранденбургского маркграфства и Магдебургской епископии, ныне – деревня в округе Чарнкув-Трзчанка Великопольского

воеводства Польши. – С.С.). В 1245 г. начались переговоры Даниила Галицкого с папой, которые прекратились в конце 1254 г., а окончательно были прерваны в 1257 г. [11: 126–127, 132].

Контакты Даниила с папой не остались без последствий. В 1257 г. папа Александр IV утвердил «права духовной юрисдикции любушского епископа в пределах Руси. По документу оказывается, что предшественники любушского епископа "с незапамятных времён" (?) ведали духовные дела католиков на Руси. Исполнению пастырских обязанностей мешали, однако, "вероломство князей и злоба жителей"» [11: 127]. В 1320 г. папа Иоанн XXII назначил Генриха, доминиканского лектора в Порвалле, киевским епископом, которому, как и Герхарду, так и не пришлось побывать в «своей» епископии [11: 128–129].

В 1327 г. папа Иоанн XXII пишет письмо галицкому князю Юрию II Болеславу по поводу его желания объединиться с римской церковью. Однако планы князя стали известны митрополиту Феогносту. С 1329 по 1331 г. Феогност был в Киеве, потом на Волыни, где во Владимире в 1331 г. он рукоположил в новгородские епископы Василия, которого он вызвал туда же в 1334 г., по возвращению своему из Греции. В рукоположении принимали участие епископы Григорий Полоцкий, Афанасий Владимирский, Фёдор Галицкий, Марк Перемышльский и Иоанн Холмский. «Цель этого полного собора западнорусских иерархов объясняется характером и деятельностью Юрия-Болеслава, открыто перешедшего в католицизм». Митрополит придавал большое значение церковным делам православной окраины и хотел укрепить дух пастырей для противодействия католической экспансии [11: 135–136].

Отделение Галицкой митрополии произошло около первой половины XIV в. и было подготовлено предшествовавшими событиями. Киев после татаро-монгольского нашествия утратил «своё первенствующее значение». До разгрома 1240 г. в нём был наместник Даниила. Митрополитом стал ставленник Даниила Кирилл. После разорения Киева он перенёс свою резиденцию во Владимиро-Суздальское княжество. Его преемником стал митрополит Максим – грек, завершивший переход митрополии во Владимир-на-Клязьме. Следующим митрополитом с 1308 г. был утверждён игумен Новодворского монастыря на реке Рате Пётр. Его убедил стать первосвятителем галицко-волынский князь Юрий I (Георгий) Львович, недовольный переселением киевских митрополитов в Северо-Восточную Русь. Пётр тоже переехал на север. Как отметил И.П. Филевич, если, «потерпев чувствительный удар, юг склонился перед фактом, то это может свидетельствовать лишь о силе общерусского единения, и надо было появиться на сцене другим факторам для того, чтобы порешённый вопрос опять всплыл» [11: 143–146].

Этим фактором оказалась Литва. «В борьбе с нею пали преемники Юрия, обнаружив на деле явное для Петра бессилие юга, а Литва вскоре после этого стала Литвой уже только по имени. Киев перешёл под её власть, а город этот сохранял своё обаяние даже тогда, когда уже давно резиденция митрополита была перенесена из Владимира в Москву». По замыслам Гедиминовичей вся Русь должна перейти под власть Литвы, но против «этих замыслов стояла Москва, а вместе с нею и представитель единства Руси – митрополит, всё ещё официально носивший титул Киевского». Поэтому Ольгерд написал в 1371 г. патриарху Филофею: «дай нам другого митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород» [11: 146].

Ранее, в 1354 г., Ольгерду удалось создать Литовскую митрополию с центром в Новгороде, которая просуществовала 12 лет, и ей подчинялись епархии литовские (Полоцкая и Туровская), а также малорусские. После смерти митрополита Романа (1362 г.) патриарх Филофей постановил, «чтобы Литовская земля ни под каким видом не отлагалась и не отделялась от власти и духовного управления митрополита Киевского, ибо это, быв раз допущено, произвело много замешательств и беспорядков» [11: 150]. В 1376 г., за несколько месяцев до смерти, Ольгерд добился, чтобы в митрополиты Киевские и Литовские был поставлен Киприан, назначив его наследником Алексия. Однако, как отметил автор, неудачный союз Ольгердовича с Мамаем и Куликовская битва разнесли «славу имени Димитрия по всей Русской земле, и русское дело Литвы было проиграно окончательно и навсегда» [9: 151]. При Витовте Литва ещё раз возвысилась, при нём «снова осуществляется духовное разъединение русского мира», но всего на четыре года [11: 152].

В 1371 г. патриарх Филофей по просьбе польского короля Казимира III рукоположил в митрополиты Галицкие епископа Антония. В 1391 г. заведовать Галицкой церковью патриарх поручил Симеону, монаху одного из молдавских монастырей. В Перемышле появляется первый католический епископ. В 1352 г. папа Климент VI после смерти перемышльского епископа Ивана назначил на его место доминиканского сандомирского приора Николая. Второй была утверждена епископская католическая кафедра во Владимире, третьей – в Холме. Это не привело «к желательным для курии успехам», «успехи католичества среди русских могли обуславливаться единственно лишь силой». Казимир обратился к папе с просьбой назначить епископа во Львов. Организация католической церкви в Галичине была установлена в 1375 г. буллой Григория XI «*Debitum pastoralis officii*». Окончательно утверждение Галицкой архиепископской резиденции во Львове было признано буллой 1412 г. Львовскому архиепископу

подчинялись Перемышльская, Владимирская, Холмская епархии, а также вновь основанные – Киевская, Каменецкая и Серетская [11: 152–154, 160–161, 164, 170].

В главе «Дела гражданские» И.П. Филевич, резюмируя сказанное в двух предыдущих главах, пишет: «1) Борьба имеет характер культурно-религиозный: рядом с польским мечом идёт латинский крест; потому она тянется ещё долго по окончании борьбы вооружённой. 1387 год составляет момент, после которого она изменяет лишь форму. 2) Только случайность – вступление Ягайло на польский престол – закрепляет Галичину за Польшей и, что составляет иронию истории, – закрепляет литовскими же силами. 3) Только при Ягайло могла быть устроена в пределах Галичины католическая иерархия; только с этого времени сопротивление стало пассивным, выражаясь, скажем, словами Длугоша, "плачем, рыданиями, воплями". До этого времени несколько раз встречаемся с грозными для католицизма реакциями» [11: 173].

Анализируя архивные сведения, автор пришёл к выводу, что «представителя польской власти в Галичине встречаем не раньше 1352 г., т.е. лишь с того времени, когда она по договору с литовскими князьями была формально передана во временное владение Казимира; до этого времени польская администрация не могла в ней иметь места». До 1387 г. Галицкая Русь была предметом нерешённого спора и находилась на военном положении. Главным распорядителем здесь был король. В таком положении она оставалось во всё время правления Казимира, оно не изменилось при Людовике. До 1372–1387 гг. она не имела никакого отношения к Польше. Правление Владислава, как считает учёный, «представляет замаскированное, а правление Марии совершенно открытое господство угров» [11: 206–207].

«Быстрая смена правителей Галицкой Руси, как равно и то, что даже титул их не был официально установлен, показывает, что они были лишь временными наместниками короля, сменялись по его усмотрению, или иначе, что Галицкая Русь с 1387 до 1434 г. составляла личное достояние польского государя, "королевщину", которою он, как мы видели, и распоряжался совершенно произвольно». На это влияло то, что государем Польши был великий князь Литовский [11: 208]. Отмечая, что, как правило, высшие классы примыкают к власти и становятся её опорой, автор указывал, что в Галичине «особенного старания со стороны высшего галицкого класса заслужить милости новых правителей не видно» [11: 212]. Говоря о дальнейшей судьбе бояр, автор сделал предположение о сходности их судеб с судьбами бояр, «оставшихся верными народности и вере в других местах русского и литовского мира, где Польша не имела того права вполне

неограниченно распоряжаться, каким пользовалась в Галичине». «Целый ряд таких бояр был низведён поляками сначала в разряд путных, а потом и холопов. Их имена пропали для истории бесследно» [11: 214]. Говоря о польском влиянии на те группы, которые не вписывались в рамки польского и западноевропейского строя, отметим, что бортники вскоре перестают существовать как свободный класс, их участки стали собственностью помещиков; дьяки дольше сохраняли своё положение, постепенно и они «пали жертвой новых условий». Мелкие землевладельцы Западной Руси «впоследствии сослужили немалую службу полякам в подготовительном процессе политического слияния Польши и Литвы», но при первом столкновении с Польшей эта прослойка Галицкой Руси «в значительном числе должна была обратиться в крестьян, следовательно, несвободных» [11: 215]. Однако, как отметил И.П. Филевич, «в Галиче к половине XIV века коренные нормы русской жизни остаются в полной силе» [11: 217].

Упомянул автор и об иноземном элементе, который начинает появляться в больших количествах уже при Казимире, в основном в городах. Упомянул, в частности, немецкую колонизацию (1200 семей поселились во Львове). Немало в Галичине было армян и евреев. «Весь этот чужеродный элемент, преданный одной лишь наживе, вносил в русские города нравственное растление. Но при русских князьях он не мог быть столь опасен просто потому, что не имел той воли и того простора, какие открылись для него при польском владычестве» [11: 218].

В пятой главе «Галицко-Волынская земля во второй половине XIV века в исторической литературе» автор не только указал источники и литературу, относящуюся к теме его исследования, но и дал оценку степени изученности вопроса в польской и российской историографии. Он упомянул работы В.Б. Антоновича, К.Н. Бестужева-Рюмина, Н.П. Дашкевича, труды представителей краковской исторической школы (М. Бобжинского, С. Смолки, Ю. Шуйского и др.), К. Стадницкого и др., отметил, что в последние годы «были сделаны весьма важные шаги к правильной постановке вопросов, относящихся к истории Галицко-Волинской земли в XIV веке». Главными источниками для автора, помимо летописей русских и литовских летописей, «Истории Польши» Длугоша, Дубницкой хроники, послужили акты (документы папской канцелярии) и девять томов изданных во Львове в 1868–1883 гг. «Актов городских и земских» (*Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie*) [11: 221–232].

Исследователь сделал вывод: «Польский, точнее западнорусский вопрос стал предметом живых обсуждений наших публицистов, а

что гораздо важнее – история Западной Руси и Литвы стала с того времени предметом постоянной научной разработки; вместе с этим всё более и более раскрывалось её общерусское значение. Шаг за шагом пределы русского мира как бы восстанавливались в русской исторической науке, которая в трудах последних годов стала наконец на фактическом русском рубеже» [11: 232–233].

В статье «К вопросу о борьбе Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие» И.П. Филевич напоминает, что в разработке истории Галицкой Руси русская наука занимала «далеко не первое место», «ограничиваясь в течение долгого времени передачей – да и то далеко не всегда полной и точной – результатов работ местных галицких учёных, главным образом Д.И. Зубрицкого и отчасти И. Шараневича и А. Петрушевича» [12: 318].

В общем изложении истории Руси «Галич занял подобающее место лишь в трудах К.Н. Бестужева-Рюмина и особенно Д.И. Иловайского, лично побывавшего в Галичине и ознакомившегося там со всеми главнейшими произведениями местной исторической литературы». В 80-е гг. XIX в. активизировалось изучение русской и особенно западнорусской истории [12: 319].

«Исследователям нелегко было овладевать материалом, тем более что материал, особенно для галицкой истории, очень разбросан; довольно трудно было следить и за новыми работами, появляющимися за границей; наконец, выводы этих работ иногда просто поражали новизной и потому плохо прививались в науке, требуя полной перестройки научного здания». Автор отметил вклад в изучение личности Юрия-Болеслава Тройденовича (Юрия II), который внесли А. Нарушевич, В.Б. Антонович, А.В. Лонгинов и др., чтобы показать, в каком состоянии в России находились «общая постановка и разработка вопросов галицкой истории» [12: 319–321].

Поэтому в своей статье автор воспользовался «как замечаниями гг. Чучинского и Лисевича, так и замечаниями г. Линниченка, не столько для полемических целей, сколько для разъяснения спорных вопросов галицкой истории XIV века». Отзывы были сделаны на его монографию «Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. Исторические очерки» [10: 322]. Автор разбирает проблемные вопросы истории Галицкой Руси и источники, начиная с правления Юрия II до 1366 г., полемизируя с рецензентами. Исследователя удивило высказывание Лисевича, который заявил, что «вопрос о галицком наследии» составляет «один из самых тёмных вопросов польской (!) истории» [12: 322–342].

В рецензии «Вопрос о воссоединении западнорусских униатов в его новейшей постановке» (1891) на монографию П.О. Бобровско-

го «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. Ист. исслед. по арх. документам. С прил. алф. указ. имён и предметов» (СПб., 1890) И.П. Филевич отметил, что автор монографии придерживался взгляда, что 24-летний промежуток времени (1803–1827 гг.) до акта воссоединения послужил началом конца западнорусской унии; он обусловил дальнейшие реформы, естественно приведшие её к воссоединению. «Труд г. Бобровского имеет, таким образом, самую тесную связь с актом 1839, представляя исследование его подготовки, т. е. именно того, что в историческом отношении и наиболее важно, и наиболее интересно, ставя, по мнению автора, самый этот акт на твёрдую историческую почву» [13: 2–3]. Рецензент указал, что «основная идея труда г. Бобровского следующая. Промежуток времени 1803–1827 гг. составляет особый период истории западнорусской унии. Это период решительной борьбы клира с базилианским орденом. Он так важен, что все предшествовавшие явления в общественной и политической жизни народонаселения оживают в этой борьбе (стр. 13). Период этот подготовил возможность воссоединения. Митрополит Иосиф лишь завершил дело» [13: 5].

Разбирая это положение, И.П. Филевич пришёл к выводу, что «рамки исследования должны бы поэтому раздвинуться, включить в себя не только историю унии в России в последнюю четверть XVIII в., но и историю унии в соседней Галичине, где движение против базилиан началось раньше и к 80-м гг. привело уже к заметным результатам» [13: 9]. Протесты белого духовенства были и раньше, в 1746 г. и 1747 гг., и они, как и вообще движение белого духовенства против базилиан, начались в Галичине. «Именно тогда по жалобе львовского и перемышльского белого духовенства папа Бенедикт XIV издал буллу 4 августа 1747 г., в которой поручил униатским епископам иметь преимущественную заботу о образовании белого духовенства, допускать его к высшим духовным должностям (епархиальным); здесь же папа предписал не давать этих должностей монахам, т. е. базилианам». Уния, подчеркнул исследователь, «представляла тогда одно целое, неразделённое между Австрией и Россией, и галицкие протесты сейчас же обнаруживают своё влияние в других местах» [13: 10].

И.П. Филевич поставил вопрос о роли греко-униатских капитулов (коллегия (совет) клириков при епископской кафедре или коллегиальной церкви. – С.С.), которые, особенно Брестский, по мнению П.О. Бобровского, вынудили базилианский орден признать своё поражение [13: 13–14]. Автор рецензии упоминал, что Львом Шептицким Львовский капитул был установлен ещё в 1771 г. И хотя окончательное утверждение капитулов в Галичине началось с 1813 г., преобладанию базилиан пришёл конец здесь раньше. Они

были окончательно подчинены епископам, избираемым из белого духовенства, и окружающему их капитулу, т. е. тоже представителям белого духовенства. Таким образом, герои Бобровского «не отличались даже оригинальностью мысли, что они только перерабатывали то, что уже было сделано в Галичине; стремились к достижению тех целей, какие там были вполне достигнуты в 1813 г.» [13: 19, 21–22].

«Бобровский обнаруживает в своём исследовании полное отсутствие научной подготовки. Он совершенно не знаком с историей унии XVIII века, оттого-то он и не решился отодвинуть туда начальную грань своего периода; оттого-то обе первые главы исследования, захватывающие XVIII в., отличаются крайне плохой обработкой», – констатирует учёный [13: 11].

Он сравнивает А. Сосновского, М. Бобровского и их единомышленников с галицкими святоюрцами. «И те, и другие не считали себя поляками, а русскими – и даже, пожалуй, более русскими, чем так называемые ими "москали". Везде и во всём – в жизни, в науке – они окружены польщиной, и это пробуждает в них сознание необходимости бороться с ней. В этом отношении святоюрцы (отстаивали греко-галицкий обряд от латинских нововведений, опираясь на белое женатое духовенство. – С.С.) ушли дальше своих прототипов, которые и говорили по-польски, и вообще дружили с поляками. Но и те, и другие были одинаково отрезаны от русской жизни, не знали её, были ей чужды, и вследствие этого черты своей русской народности они должны были восстановить, так сказать, археологически. Отсюда это копанье в древностях, стремление к восстановлению якобы археологически чистых древних обрядов, общее тем и другим. Непосредственного живого чувства народности, которое было, например, у Семашко, у них не было и не могло быть» [13: 28–29]. В качестве иллюстрации он приводит деятельность холмского униатского епископа М. Куземского, который «бесспорно считал себя русским человеком»: «многое в очищенном в Холмской унии обряде считал "нововведением" вполне вредным святой церкви, греческому обряду, русской народности и даже святой вере». «Сделанное в Холмщине очищение обряда не совпадало с его археологическими данными, точно так же и брестские каноники подумывали о созвании чего-то в роде археологического западнорусского конгресса для исправления церковных книг» [13: 29–30].

На IX Археологическом съезде в Вильно (1893) И.П. Филевич выступил с докладом «Угорская Русь и научные вопросы, с нею связанные». В своём докладе он описал нынешние границы Угорской Руси, её административное деление и количество жителей, обратился к вопросу о времени поселения русского племени в Карпатах. На основании

географической номенклатуры, в особенности названий рек, используя сведения Начальной русской летописи, а также византийские и иные источники, докладчик, как и П.И. Шафарик, и Н.И. Надеждин, полагал «глубокую древность поселения русских по обеим сторонам Карпатских гор». Касаясь западной границы, референт обратил внимание на открытый В. Кентржинским новый источник, говорящий о племени хорватов на Дунае в Нижней Австрии. По его мнению, это известие «требуется дальнейшего разъяснения, равно как и частные вопросы о гуцулах, лемках, бойках и проч.» [14: 101–102].

В следующем году учёный издал отдельной брошюрой работу «Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки», посвятив её памяти Ю. Венелина. Отрывки из неё были зачитаны автором ранее на IX Археологическом съезде в Вильно [16].

И.П. Филевич писал, что Угорская Русь занимает северо-восточную часть Венгерского королевства. На севере и востоке она граничит с Галицией и Буковиной, на западе это крайние отроги лесистого Бескида, на юге – горы Сатмарские и Тиса. По сведениям Г.И. Бидермана, это пространство в 340–380 кв. австрийских миль (стандартная австрийская миля составляла 7,586 км. – С.С.). Часть его, примыкающая к Галиции с Буковиной (комитаты Сарошский, Земненский, Унгварский, Бережско-Угочский и Марамарошский), приблизительно 200 кв. миль, занята и в настоящее время почти сплошным русским населением, писал автор. В комитатах Спишском, Абауйско-Торнайском, Саболчском и Сатмарском русское население перемешано с поляками, словаками, венграми и румынами. Учёный обратил внимание на противоречивость данных о численности населения. Большинство склоняется к цифре 500 тыс. чел. Однако в 1826 г. угрорус Орлай насчитал 800 тыс., в 70-х гг. по официальным данным показывалось 448 тыс., по переписям 1880–1890 гг. – всего 353 226–379 782 чел. Однако по церковным спискам (шематизмам) и теперь их насчитывается 476 560–499 400 чел. Угорская Русь составляет окраину русского мира, отмечал И. Филевич, «по-видимому, вовсе не участвовавшую в его исторической жизни» [16: 1–2].

Исследователь считал, что «два капитальных вопроса нашей исторической науки связаны с закарпатской частью русского мира:

1) Каким образом проникло сюда русское имя, если Угорская Русь, по-видимому, не входила в состав древнерусской державы?

2) Современное различие двух главных ветвей русского племени – великорусской и малорусской – не объясняется ли передвижением населения с Карпат в нынешнюю Юго-Западную Русь с одной, и древнего южнорусского населения на северо-восток с другой стороны?» [16: 2–3].

Учёный был убеждён, что «русская стихия простиралась на юго-запад, по обе стороны Карпат, вплоть до Дуная, задолго до вторжения мадьяров в Паннонию, что мадьяры не привели сюда с собою русов, а нашли их здесь, осилили, расположились жить и господствовать меж них и таким образом разорвали то непосредственное соседство, в котором русы, по свидетельству и наших отечественных, и чужих преданий, находились некогда с сербами, хорватами и славяно-чехами». Доказательства этому есть «исторические, этнографические, топографические и даже лингвистические». Он упомянул, в частности, о существовавших до сих пор «русских» селениях в Трансильвании: «в сокровеннейших ущельях Карпат, при истоке Ольты, между румынами, мадяро-секлерами и саксами находятся деревни, которые по сие время называются "русскими", жители которых на памяти ныне живущего поколения говорили ещё между собою "по-русски", т. е. карпаторусинским, или, что то же, – малороссийским языком! Никто не знает и не помнит, каким образом и когда образовались здесь эти оазисы» [16: 4–5].

И.П. Филевич не согласен с мнением академика А.А. Куника, что «русское имя за Карпатами имеет не национальный, а вероисповедный смысл», и что тот «решительно отвергает древность топографических названий» [16: 7]. В течение полувека после Надеждина, отмечал учёный, разработка данного вопроса не продвинулась ни на шаг. «Русская мысль боролась с норманистами под знаменем Руси поморской, роксолан, скифов и, наконец, готов». Про Угорскую Русь же в основном забыли [16: 11]. Автор перечисляет ряд постоянно повторяющихся в Карпатах славянских топонимов, в т. ч. с корнем *рус-* (*рос-*, *орос-*) [16: 16–21].

Учёный считал, что «только на Карпатах русская историческая наука может найти твёрдую почву для объяснения начал киевской государственности» [16: 28].

Говоря о вопросе передвижения населения с Карпат в нынешнюю Южную Русь, И.П. Филевич упомянул, что сторонники такой теории – «Погодин прежде, А.И. Соболевский теперь – основывают её на данных языка. Историк обязан принимать эти данные к сведению». Оставив в стороне вопрос о влиянии татарско-монгольского нашествия на населённость Юго-Западной Руси, который, как считалось в науке, не имел «особенного значения в этом отношении», историк писал: «Допустим, что это так. Исключается ли этим возможность колонизации, на которую указывает проф. Соболевский? По-моему,нисколько. История не может определить момента передвижения населения с Карпат в ю.-з. [Юго-Западную] Русь, но ведь так же точно история не может определить момента русской колонизации сев-

вост. [Северо-Восточной] Руси. Тем не менее никому из историков не придёт в голову отрицать её. Передвижение русского населения с ю.-з. на сев.-вост. составляет факт, подтверждаемый всем ходом русской исторической жизни, иначе говоря, факт несомненный, но он не такого рода, чтобы его можно было приурочить к известному моменту» [16: 31–32].

Однако если «принять во внимание оттеснение мадьярами русского населения с нынешней угорской равнины, передвижение румын с Балканского полуострова и возникновение румынских господарств на Нижнем Дунае и южных склонах Карпат, то мнение проф. Соболевского окажется заслуживающим самого серьёзного внимания русских историков», – заключает автор [16: 32].

В монографии «Польша и польский вопрос» (1894), посвящённой русскому философу, литературному критику и публицисту Н.Н. Страхову (1828–1896), автору монографии «Борьба с Западом в нашей литературе: исторические и критические очерки» (в 3 кн.: 1882, 1883, 1896), И.П. Филевич писал, что «в течение целого ряда веков польский вопрос заключал в себе все признаки вопроса грозного для Русского государства и народности; свою остроту он потерял лишь на наших глазах». Польский вопрос занимал в русской литературе заметное место. На него откликались все крупные представители нашей мысли, поэты отражали в своих стихотворениях общественное настроение, историки раскрывали его подноготную и дальнейшее развитие, слависты рассматривали его «на широкой основе славянской жизни» и т. д. Со второй половины XIV в. Польша «открывает наступление и отхватывает себе галицко-русскую окраину», в конце века «случай предлагает полякам все обширные земли Литовско-Русского государства, как вено за руку Ядвиги». «1795 г. положил конец преобладанию Польши на Русской земле, 1815 г. водрузил русское государственное знамя в Варшаве, но ещё долго оставалось всё постарому, и представители поляков в "Западном крае" мечтали не на шутку об его отторжении от России не только в 1830 г., но и даже в 1863 г.» [15: 1–2].

Хотя в настоящее время польский вопрос «потерял свою практическую остроту», не может грозить какими-то «крупными осложнениями», т. к. территория Польши разделена между тремя мировыми державами, однако ещё долгое время, по мнению автора, «польский вопрос будет сохранять не только живой, но и даже животрепещущий интерес». Будет весьма большой теоретический интерес к падению государства, «долгое время игравшего видную роль в судьбах славянства», «обращает и будет обращать на себя внимание и современная жизнь потомков политического банкрота». И если для германских и

австрийских немцев эти вопросы имеют «весьма слабое значение», то «для славян и в частности для России они не безразличны по многим причинам... Для России не может быть безразлична судьба свыше 10 млн единоплеменного народа, бóльшая часть которого неразрывно связана с нею общей государственной жизнью. Свыше 4 млн поляков занимают сплошную территорию этнографической русской Польши, около 2 млн живут за её пределами, преимущественно на русской, отчасти на литовской земле» [15: 3].

Учёный упомянул, что значительный процент поляков в России составляют помещики и вообще землевладельцы, в известной мере располагающие экономическими силами страны. Отметил «неопределённое положение поляков: в Австрии продолжавших свою историческую атаку на Русь, в Пруссии – меняющих свою политику сообразно минутным партийным комбинациям, в России – придерживающихся политики более или менее заметного пассивного сопротивления» [15: 4]. Он упомянул о 25-летней борьбе австрийских славян: старочехов и младочехов в Чехии, русских и поляков в Галиции, старорусской и украинофильской партий в Галиции, словаков и угрорусов с мадьярами, которой в России придаётся мало значения, в т. ч. и в гимназической программе [15: 5–6].

Русско-польские взаимоотношения продолжались в течение многих веков и отличались одинаковым характером: это была борьба народностей и культур. Она шла с переменным успехом. В истории русско-польских отношений автор отмечает три главных момента:

«1. Государственное объединение русского племени при Владимире Святом, нарушившее политические рубежи польского государства, можно думать, раздвинутое далеко за пределы собственного польского племени.

2. Решительный польский напор на Русь при Казимире III со второй половины XIV века. С этого времени к борьбе народностей присоединяются и культурно-религиозные элементы, которые составляют существенный характер отношений во все следующие времена.

3. Принятие Иваном III титула "всея Руси" и начало воссоединения Руси, а вместе с тем и освобождения от господства иноземных начал» [15: 9].

Учёный не указал в качестве важных периодов ни на унию, ни на смутное время, т. к. считал, что «они не были результатом внутренней жизни народа, а явлениями совершенно случайными». Смутное время «только мимолётно нарушило исторический ход взаимных отношений, и недаром уже сын непризнаваемого поляками царя имел возможность воссоединить Малороссию». «Ягайлова уния имеет, правда, чрезвычайное значение»: она открыла латино-европейскому

влиянию территории до Двины и Днепра, половину русского мира. «Но, независимо от случайности брака Ягайлова, уния эта, строго говоря, представляет собой явление новое только по грандиозности его размеров». Включению Великого княжества Литвы-Руси в «польское государственное тело» на Люблинском сейме в 1569 г. предшествовало такое же включение галицкой окраины в 1433 г. Этому, в свою очередь, предшествовало включение Санока, Сандеча, Спиша и других западнорусских территорий в состав Польши и Угорской Руси в состав Венгрии. «Моменты этих включений и пределы отвергнутых от Руси земель могут быть определены лишь более или менее приблизительно вследствие отдалённости от главного поприща деятельности русского племени и весьма малой научной разработки предмета». Все эти факты имеют одинаковый характер, отличаются по размеру отторгнутых территорий, «но никак не по внутреннему характеру их жизни». Под эту борьбу, как считал И.П. Филевич, не подходит только кратковременная «эпоха Владислава Локетка, отмеченная союзом двух спорящих сторон», которая и в польской истории составляет особый промежуток [15: 9–10]. Далее исследователь подробно разбирает три вышеуказанных периода, доводя третий период до времени «перевеса России» и раздела Польши.

На X Археологическом съезде в Риге (1896) И.П. Филевич поднял вопрос о разработке географической номенклатуры. Он упомянул о двух попытках показать значение географической номенклатуры как самостоятельного научного материала. Зориан Доленга-Ходаковский (Адам Черноцкий) отметил частую повторяемость некоторых названий на обширном пространстве нынешнего славянского пространства, связал этот факт с некоторыми сторонами жизни славян. Н.И. Надеждин, подобно Ходаковскому, «настаивает на самостоятельном значении номенклатуры, но объяснение этого значения он нашёл не в поэтических и религиозных представлениях народа, а в том, что номенклатура представляет след существования и деятельности человека, иначе говоря, представляет факт этнологический. В этом смысле Надеждин указал на географическую карту как на "первую страницу истории", как на самостоятельный её источник». Надеждинский «опыт исторической географии русского мира» «полагает начало географии этнологической». Последняя, в отличие от географии исторической, «обращается к карте как к пособию налагает на неё места и границы, указываемые другими источниками и, таким образом, получает условные, конечно, карты известного времени» [17: 328].

Н.И. Надеждин был первым, кто поднял в российской науке вопрос о важности разработки «географической номенклатуры», причём не только в самой России, но и за её пределами. Он призывал изучать

«народность русскую вне России» – в Карпатской Руси, в сопредельных с Россией Молдавском и Валашском княжествах, в Трансильвании и Венгрии, почти вплоть до Дуная, где «под толстым слоем румынского и мадьярского наноса скрывается основной кряж – мало того славянский – собственно и именно русский» [5: 53, 55–56, 58–59, 61].

Современное положение «этнологической географии» в России, считал И.П. Филевич, «нельзя характеризовать вообще»: разные части русской территории разработаны в номенклатурном отношении неодинаково, а это оказывает весьма заметное влияние на отношение у нас к номенклатурному материалу» [17: 329]. Отмечая двойственность названий, в т. ч. и на Карпатской территории, учёный напомнил, что ещё Надеждин требовал «предварительной работы над географической номенклатурой, восходящей от нынешних названий к древним старобытным, первоначальным через весь ряд изменений, которые они вытерпели» [17: 334].

В 1896 г. выходит в свет докторская диссертация И.П. Филевича «История Древней Руси. Т. 1. Территория и население», которую автор посвятил памяти Н.И. Надеждина [19], внёсшего значительный вклад в изучение истории Карпатской и Трансильванской Руси [5]. За год до этого часть результатов его исследования публиковалась в «Журнале Министерства народного просвещения» [18]. Сама работа состояла из «Предисловия» и трёх глав: «Задача и метод исследования», «Территория и население», «К этнографии Древней Руси». В дополнениях автором давались разъяснения некоторых высказанных им в работе положений, в частности его отношение к норманизму и готизму, значения перечней племён в летописи для разработки истории [19: 375–380].

Положения, извлечённые из диссертации И.П. Филевича «История Древней Руси. Т. I. Территория и население», данные в начале монографии, не потеряли актуальности и сегодня: «1) В научной разработке вопроса о Руси не были приняты во внимание вопросы, связанные с Русью Карпатской (стр. 1–23); 2) Соображения Надеждина об этой Руси, а равно его мысли об изучении русской исторической древности не оказали должного влияния на нашу науку, вследствие чего вопрос о пределах древнерусской территории остаётся до сих пор вопросом открытым (стр. 25–63); 3) В соображениях об этом вопросе должно иметь в виду следующее: а) По свидетельству языка земли, пространство нынешней России к северу от Припяти и к востоку от Днепра не могло служить ядром русского племени. Территория этого ядра должна быть отодвинута значительно более к юго-западу (стр. 69–142); б) Западные окраины русского мира, как в пределах нынешней России, так и за её пределами, всегда обнаруживали и поныне обнаруживают

замечательную устойчивость русского имени как обозначения земли и народа; а данные этнографии номенклатуры обнаруживают на всех западных рубежах Руси (русско-польском, русско-словенском, русско-мадьярском, русско-волошском) однородные факты постепенного этнографического перерождения русского племени. Эти факты дают основание предполагать, что в древности в этих местах Русь простиралась значительно дальше своих нынешних пределов (стр. 189–213, 241–272); в) Примыкающая к нынешним русским окраинам территория древних "словен" (теперь уже не славянская) представляет и поныне на всём своём пространстве живые следы славянства в языке земли. Номенклатура, общий этнографический характер и природное тяготение к древнему "Русскому морю" объединяют её с территорией нынешнего русского юго-запада, составлявшего в древности русское достояние, ввиду чего названия, связанные с русским именем, до сих пор ярко характеризующие эту территорию, можно считать определителями её древней племенной основы (стр. 142–189, 276–342); 4) Название Русь было коллективным обозначением славянских колен, занимавших весь бассейн древнего "Русского моря" от Дуная до Днепра. Название это не исключало частных обозначений (напр. летописные), которым, однако, нельзя придавать племенного смысла. Об отношениях частей этого древнерусского целого можно приблизительно судить по данным нынешней этнографии и отчасти диалектологии, не упуская, конечно, из виду векового влияния позднейших государственных и местных условий (стр. 214–240); 5) Указанные соображения о Древней Руси подтверждаются свидетельством летописи, которая в начальной своей части представляет отдельную повесть о начале русской земли. Можно думать, что редакция этой повести, как она сообщена в Никоновском своде, ближе к пропавшему древнему её тексту, чем редакция сводов Лаврентьевского и Ипатского (стр. 342–374)» [19: 1–3].

В «Предисловии» исследователь даёт краткую историю изучения Карпатской Руси в новое время, поясняет, что «история целой территории, особенно близкой и памятной древнерусским преданиям, письменно закреплённым её начальной "Повести о русской земле", до сих пор не включена в историческое изложение древнерусской жизни», что влияет «на историческое освещение всей нашей древности». Задача первого тома «Истории Древней Руси» состоит в восполнении этого пробела. Под «Древней Русью» автор понимал «ту часть славянского целого, с которою русское имя как обозначение земли и народа было наиболее крепко связано с самого начала исторической эпохи. В этом случае Древняя Русь представляет для нас факт этнографический, как коллективное обозначение известной части славянских колен».

Задача данного исследования – «определить объём этой части и взаимное отношение составлявших её элементов» [19: VIII–IX].

В первой главе И.П. Филевич указал стоящие перед ним задачи: «уяснение вопроса о территории, этнографическом составе и связи Руси Карпатской с остальным русским миром, с одной стороны; указание её отношений к славянскому роду – с другой» [19: 23]. Касаясь метода исследования, учёный упоминает, что «мысль о Карпато-Дунайской Руси высказал впервые Надеждин» [19: 25]. Именно он указал на необходимость изучения истории с изучением ландкарты (географических названий), для чего «требуется предварительная работа над географическою номенклатурою, восходящая от нынешних названий к древним, старобытным, первоначальным, через весь ряд изменений, которые они вытерпели», и необходимость «вслушиваться в живую речь народов» [19: 31–32]. Также Н.И. Надеждин требовал «самой широкой постановки этнографических изучений», отмечал «важность для древнейшей истории антропологических и археологических изучений» и «необходимость критического обследования древних письменных памятников, как своих, так и иностранных» [19: 39], т.е. «впервые вполне определённо формулировал научный метод разработки древностей» [19: 42]. Источниками И.П. Филевич определяет «письменные свидетельства, язык земли и народа, этнографию и археологию». Главнейшими из них, из-за скудности во многих других местах, остаются «письменные и язык земли» [19: 65].

Во второй главе даётся описание Карпатских гор и прилегающих территорий, перечисляется население региона (славян, в т.ч. и русских и «инородческих всельников»), показываются примеры географической номенклатуры и её изменений, примеры распространённых на всей территории Руси названий, встречающихся и у других славянских народов [19: 69–98]. Особенно автор обращает внимание на гидронимы к прилегающей к северу от Карпат низи («как известно, наиболее устойчивые») и связанные с ними названия поселений, встречающиеся в Польше [19: 98–110].

Автор отметил, что «для русской части нашей территории мы не имеем столь подробных перечней древнейшего времени», как это было в Силезии, и привёл примеры из записи первой половины XIII в. об основании Генриховского монастыря [19: 111–118]. Далее исследователь анализирует географические названия на «границе низи и возвышенности», «горную номенклатуру», «язык земли, особенно Трансильвании». Он считает, что «близкое знакомство с характером народной терминологии открывает целую бездну между учёной и учебной географией и действительностью, которую должна бы отражать эта география». Учёный указывает на многочисленность

в Трансильвании названий урочищ, связанных с корнем *рус*, приводит сведения из «древнейших трансильванских грамот», обращает внимание на славянскую номенклатуру на территории Бессарабии, Молдавии, Валахии. Упоминает он и о значительном русском населении в Венгрии и большом количестве греко-католических приходов. И.П. Филевич добавляет, что «на всём этом пространстве, рядом с живыми славянскими названиями или их явными отголосками, встречаются повсюду названия от корня *рус*:- от *Kis-Oroszi* на Дунае до *Russ pe Boul* на Молдавице». Он приходит к выводам: на данной территории сохранились следы славянства, постепенно происходит процесс «этнологических изменений», «язык нашей земли на всём её громадном пространстве почти один и тот же; мало того, он однокровный брат того же языка, какой мы видели на значительной части нашей низи» [19: 142–216].

В главе «К этнографии Древней Руси» автор анализирует летописные сведения, средневековые иностранные источники о Руси и соседних с ней народах, её взаимодействии со степью. Проанализировав источники, исследователь заключает: «название Русь есть коллективное обозначение славяно-русских колен, занимавших весь бассейн древнего Русского моря от Дуная до Днепра»; «Русью припонтийской объясняется древнее название Черного моря; Русью Карпато-Дунайскою объясняются названия от корня *рус*-, рассеянные по всему пространству карпато-дунайской территории»; «эти данные языка земли представляют этнографические показания и вполне соответствуют ряду других как этнографических, так и исторических свидетельств» [19: 276–353].

В своей «Программе для собирания сведений по этнографии Холмской Руси» (Холмско-Варшавский епархиальный вестник, 1900) И.П. Филевич поставил вопрос о важности изучения наряду с местной историей и местной этнографии: «жизнь и быт, нравы и обычаи, предания и поверия народа составляют давно и повсюду предмет самого живого общего интереса», «в живом облике народа отражается результат условий и хода его вековой жизни, и наряду с современными влияниями и воздействиями в народном быту хранятся нередко отголоски отдалённой старины; одним словом, народный быт представляет целый архив исторических источников». Собрать эти данные, по мнению учёного, должны те, кто ближе всего стоит к народу, кому они более доступны и понятны, прежде всего духовенство Холмской епархии. Для сбора этнографических сведений И.П. Филевич подготовил целую программу. Он предложил собрать данные «топографические и исторические» и «этнографические». При сборе данных «топографических и исторических» исследователь поставил

следующие вопросы: 1) Общий характер местности, где находится село или деревня; 2) Местные названия в районе земель села или деревни (обозначить название частей села и разных урочищ, строго придерживаясь местного народного произношения); 3) Не изменились ли названия некоторых мест, и если да, то когда и по какому случаю; 4) Не имеют ли некоторые из мест двойных названий, и как это объясняется в народе; 5) Все ли названия понятны народу? Нет ли особенно мудрёных, и как объясняет себе народ их смысл; 6) Нет ли каких-нибудь местных примечательностей письменных или археологических; 7) Не связаны ли с ними какие-нибудь народные преданья, поверья, приметы и т. п.; 8) Считают ли себя жители старожилами или новопоселенцами? Откуда? Нет ли преданий об этом? [20: 169].

Сбор этнографических сведений он разделил на ряд тем: общая характеристика, быт домашний (одежда, пища), семейный и общественный быт, язык. К примеру, в общей характеристике есть вопросы: какие имена особенно любимы и распространены? прежде, теперь; какой характер имеют фамилии (разнородные прозвища (напр., Сорока, Коцюба) или преобладают однородные окончания, напр. *-вич, -ук, -юк* и проч.); Однофамильцы считают себя родственниками или нет? В теме «Язык», в указании общего характера: 1) Как говорят дома, в семье; 2) Умеют ли говорить и на другом языке; 3) В каких случаях употребляется язык не домашнего обихода; 4) Как говорили лет 30–40 назад; 5) Нет ли разницы в говоре старшего и младшего поколения; 6) Нет ли в церкви старых русских метрических книг? Очень желательно сообщение, с какого года начинают попадаться в них нерусские записи и с какого русские совсем прекращаются. Не менее желательны образцы нескольких записей в точных выписках. Собранный материал И.П. Филевич просил выслать в Варшавский университет на его имя. Сообщённый материал после его использования исследователь, по желанию корреспондентов, готов был возвратить обратно или передать в церковно-археологический музей при Холмском православном Свято-Богородицком братстве [20: 169–171].

В своих двух статьях «По поводу теории двух русских народностей» (1902) [21; 22] и «Вопрос о двух русских народностях и "Киевская старина"» [23; 24], написанных в 1902 г., исследователь поднял тему единства русского народа. Этот вопрос, поставленный в России давно, ещё в 30-х гг. XIX в., по словам учёного, осветил Юрий Венелин. Он говорил о двух русских народностях, называя их «северянами» и «южанами». Позже эта тема получила известность благодаря статье Н. Костомарова «Две русские народности». Венелин разделил русский народ, несмотря на его огромность, «только на две ветви (между тем как другие народы распались на многие отрасли)», по местополо-

жению: Северная и Южная Русь. Главным условием разделения на две ветви, как указывал Ю. Венелин, было взаимное постепенное уклонение в языке, отсюда наречие северное и южное. Венелин заметил, что каждая из ветвей признает русскою, в сущности, только себя. «Поляки и католицизм (иезуиты) очень искусно воспользовались этим внутренним, так сказать, раздором между русаками и за то сколько наделали себе прозелитов между южанами». Причём, как отмечает Венелин, это продолжается и поныне. Способствует этому и то, что высшее общество (образованное) состоит в Южной Руси в основном из поляков [22: 23–24].

«Отношение Венелина к пререканиям "двух Ивановичей", – продолжает далее И.П. Филевич, – сказывается ясно в приведённых выше выдержках: спорить, в сущности, не о чём; надо дружно работать над устранением тех зол, которые представляют результат неблагоприятного склада исторических условий и столь заметны и поныне на всей территории южан в виде чужих влияний, принизивших до земли русское имя». Автор приводит высказывание Н.В. Гоголя в письме к А.О. Смирновой в 1844 г.: «Скажу вам одно слово насчёт того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, – явный знак, что они должны пополнять одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве» [22: 25–26].

И.П. Филевич считал, что «в русской жизни и в русской науке элементы народности обращали на себя внимание, но выяснены были недостаточно, и потому в общем продолжали господствовать старые механические представления. Будущему предстояло разрешить задачу». Вся сложность и запутанность вопроса выявилась в «эпоху великих реформ». Учёный отмечал, что в то время на территории Южной Руси «рушилось не только материальное рабство, но должно было пасть и вековое нравственное рабство русской народности, приниженной до земли, сплошь разжалованной в крестьянство». «На правом берегу Днепра дело возрождения осложнялось прежде всего большей силой векового исторического гнёта. Этот гнёт заметно сказывался в жизни народной массы. Н. Костомаров в своей

"Автобиографии" отметил: "В Ровно я стал неприязненно относиться к полякам-помещикам и к жидам; беседуя постоянно с народом, я имел много случаев убедиться, как страшно беден и забит народ на Волыни. По выезде оттуда русские помещики по сравнению с польскими показались мне почти гуманными людьми, и самый народ, по мере приближения к Великороссии, казался мне более живым и крепким"». Поляки полностью господствовали в «верхах общества». Вдруг картина начинает меняться, и «побуждаются подавляемые до тех пор элементы». Часть южной народности, «по географическому положению более близкая к самостоятельной России и раньше испытывавшая на себе её нравственное влияние, стала заметно пробуждаться уже с конца XVIII века» [22: 27–28].

«Как ни были поляки богаты и сильны связями и влиянием, но они не могли не задуматься над своим положением. Достаточно известно, что они не бездействовали». «Идеи, прежде смутно мелькавшие в провинциальных центрах, – в Харькове ("Украинский вестник"), в Киеве (Кирилло-Мефодиевское братство), – отзываются, наконец, в русской столице и получают в петербургской "Основе" впервые более-менее определённую формулировку». Это идеи начинают называться «украинофильством» или «хохломанством», «хлопоманством» (автор ставит эти два явления в один ряд. – С.С.). Это характерные термины, обозначающие одно и то же явление и различное отношение к нему [22: 31].

В это время появляется статья Костомарова «Две русские народности». Его «опыт параллельной характеристики двух русских народностей составляет своего рода эпоху. От него идёт теория двух русских народностей. Она заключается в том, что малорусская народность совершенно обособляется от великорусской уже с древнейшего времени». Эту теорию в изложении истории литературы применил профессор Львовского университета Е. Огоновский в своей «Истории литературы русской», что вызвало критику академика А.Н. Пыпина [22: 32–33]. В возражении на отзыв Пыпина Огоновский «в подтверждение своего взгляда не привёл ничего, кроме ссылок на Костомарова и на мнения самого Пыпина, высказанные им в некоторых статьях. Обнаружилось, таким образом, что одни и те же взгляды воспринимаются в Галичине совсем иначе, чем вообще в науке, в России и в остальном славянстве. Теория двух русских народностей имеет и до сих пор решительных сторонников среди галицких учёных так называемого "українсько-руського направления"». В «українсько-руській» литературе Галичины теория двух народностей пользуется большой популярностью. «В то время, когда одна часть русских галичан чаёт нового Богдана, который бы довершил дело героя "единой неделимой

России", другая ждёт иного, уже специально "українсько-руського" Богдана» [22: 33–34].

Проанализировав изучение русских наречий, в т. ч. и работы А.А. Шахматова, И.П. Филевич делает вывод, что «целостность русского народа в отношении языка представляет факт несомненный: русский на Тисе и на Амуре остаётся в глазах науки всерусским» [22: 35–41].

И.П. Филевич, разграничивая понятия «народ» и «народность», указывает, что второму «соответствует в области живой речи столь же реальное явление – наречие». «Что же касается понятия народа, то этой фикции, объединяющей живые части однородного целого, соответствует другая фикция – язык». Эти «фикции» являются результатом исторического процесса. В таком случае народ «превращается в живое культурное целое – нацию, национальность, а наиболее ярким её выражением является литература и литературный язык». Он складывается на основе «наречия той народности, которой по обстоятельствам выпадает в жизни народа более видная, руководящая роль; но в него входят и элементы других однородных народностей». «Благодаря этому литературный язык как плод общего труда и становится общим достоянием». Учёный приводит примеры: «немецкий литературный язык – это значит общенемецкий язык, так же точно, как французский, итальянский литературные языки представляют общие языки французской и итальянской наций» [22: 41]. «Литературный язык представляет в жизни народа такую же "надстройку", как гражданские и общественные формы, как всё то, что обыкновенно обозначается термином культура и что, как сказано, делает из народа как совокупности однородных частей известного племени то целое, которое обыкновенно принято называть нацией» [22: 42].

По сравнению с постепенным становлением единого литературного языка становление «русской национальности представляет несравненно большие трудности». «Национальность повсюду представляет весьма поздний продукт исторической жизни народа». Во Франции она создалась в эпоху революции, в Германии ещё позже. В России же её создание относится к «эпохе реформ». По мнению профессора Ф.И. Леонтовича, «император Александр II, бесповоротно решивший вопрос о свободе многомиллионного сельского населения, тем самым решил столь же бесповоротно и другой великий вопрос о свободном развитии русской национальности» [22: 42–43].

Особенностью «исторической жизни русского народа», по мнению автора, является то, что после наступления «долгого периода разобщения» «процесс самостоятельного исторического творчества» смог продолжаться только в одной её части, «и то при чрезвычайно неблагоприятных условиях – изолированности от остального культурного

мира и крайней материальной бедности». «Другая часть русского мира очутилась в таком положении, при котором путём естественной эволюции отпали от русского древа все его листья». «Единственной связью обеих частей оказалась вера (даже в униатстве сохранившая за собой название "русской веры"), но своеобразный ход русской жизни наложил и на этот единственный связующий элемент отпечаток местного своеобразия. Автор пишет, что к концу XVIII века украинское Левобережье уже совершенно сроднилось с русской государственностью и общественностью и настолько ожило и обновилось под их влиянием, что дало России целый ряд видных деятелей и стало даже проявлять своё местное литературное творчество». «Правобережье стало рождать представителей польско-украинской школы и фанатических проповедников той крайней политической ненависти, которая так ярко выразилась в теории о коренном различии «Руси» и «России»». По мнению автора, это произошло в результате разрыва русских «верхов» и русского «низа» [22: 44, 49–50]. Установление при Александре I господства т. н. официальной народности не оказало влияния на Западную Русь. Она начинает возрождаться только с 60-х гг. XIX в. [22: 51].

Рассказывая об изучении истории России, двух её частей, в т. ч. и Западной Руси, автор констатирует, что последней, начиная с Н.М. Карамзина, уделяли мало внимания. Карамзин писал, что изучение истории Северной Руси «для нас важнее: ибо там решилась судьба нашего отечества» [22: 51]. Этого же мнения придерживался и Соловьёв: «бытописатель с самого начала разделения должен поставить Северо-Восточную Русь и её князей на первый план» [22: 53]. «Изучение областной жизни русского народа стало лозунгом русской исторической науки сейчас же после крымской катастрофы (автор имеет в виду Крымскую войну 1853–1856 гг. – С.С.). Очень ярко, и именно в противовес московской исторической школе, выразил эти новые стремления Бестужев-Рюмин в замечательной для своего времени статье "Современное состояние русской истории"» [20: 58]. «В областной разработке особенно выдвинулась, по совершенно естественным причинам, Южная Русь и в частности деятельность Н.И. Костомарова» [22: 59]. Правда, «монографии Костомарова представляют лишь отдельные мазки на полотне русской истории» [22: 60].

«В "Русской истории" Бестужева-Рюмина впервые изложены в надлежащей мере исторические судьбы всех частей русского мира, и наряду с суздальским Владимиром, Москвой, Тверью, Рязанью стали не только Смоленск, Псков, Новгород, Вятка, но и старые исторические гнёзда всего русского запада». Одновременно выходит ряд отдель-

ных исследований по истории западнорусских земель. Изучением Западной Руси начинают заниматься в Петербурге, Вильно, Варшаве, Киеве, Москве. Это продолжается и в настоящее время. Дальнейшее изучение Западной Руси, по мнению И.П. Филевича, «имеет громадное значение именно для русского национализма, что оно и расширяет, и углубляет его содержание, обновляя его новыми элементами своей же народности. Объединённая на новых началах равноправия и свободы русская народность входит через Западную Русь в непосредственное общение с остальным славянством...» [22: 60].

Другая статья И.П. Филевича «Вопрос о двух русских народностях и "Киевская старина"» посвящена ответу на критику его предыдущей статьи, опубликованной в «Научно-литературном сборнике Галицко-русской матицы» (1901. Кн. 2–4). Автор отмечает, что его статья, по словам критика, «представляет собою (?) покушение осветить вопрос в известном направлении, но это в полном смысле слова покушение с негодными средствами». «Какими логическими путями возникло "осуждение якобы от лица "науки" (недаром же г. Филевич именуется профессором – не знаю только, каких наук) литературных стремлений галичан" – это представляется критику почтенного журнала неразгаданным "ребусом"». Учёный выразил недоумение: «средства негодны – неверны ли приводимые мною факты, неправильны ли высказываемые взгляды, в чём заключается нелогичность приводимых мною аргументов – об этом ни слова». Далее «отзыв представляет, как сказано, сплошное вышучивание моей статьи в форме якобы изложения её содержания» [24: 61].

И.П. Филевич ответил критику: «У "Киевской старины", очевидно, своя особая мерка и для суждений, и для оценки. Например, мой критик полагает, что я, "видимо, не понимаю" статьи г. Шахматова об образовании русских наречий и народностей. Позволю себе сообщить критику маленький секрет. Вторая глава моей статьи, где изложен обзор разработки вопроса о взаимных отношениях русских наречий, была любезно просмотрена в корректуре и одобрена акад. Шахматовым, Соболевским и Карским. Как же мне смотреть на отзыв почтенного журнала? В его отзыве нет ни одного, буквально ни одного фактического указания ошибок, погрешностей, неточностей. Зато много непередаваемого остроумия». Понимая, что с критиком говорить не о чем, но т. к. «отзыв помещён в журнале, занимающем особую "позицию"» [24: 63], исследователь решил ответить на критику.

Учёный отметил, что правильность взглядов на вопрос об отношениях «двух русских народностей» журнал оценивает «не по существу, не по имеющимся в науке данным, а по соответствию с занимаемой им "позицией"», а т. к. журнал является «единственным малорусским

органом», то позиция его «не может не представлять интереса». Автор решил охарактеризовать эту «позицию» [24: 64].

В 1898 г. в России возобновились затихшие было споры «об особенностях малорусского племени и языка, о роли и значении малорусской литературы и об отношении её к той литературе, которой обыкновенно усваивается значение русской, без всяких частных определений». Причём эти споры велись по отношению к Галиции, и живое участие в полемике приняла «Киевская старина». Полемика продолжалась в газетах и журналах два года. Поводом к ней послужила новость о решении галицкого сейма открыть новую (четвертую) малорусскую гимназию в Тернополе. Полемике вызвала в «Биржевых ведомостях» (1898. № 10) статья «От говора к языку», где, наряду с чувством радости от успехов галичан в их тяжёлой борьбе за народность, высказано было сожаление, что языком преподавания в новооткрытой гимназии является «галицко-русский простонародный говор, уснащённый сфабрикованной на скорую руку научной терминологией» [24: 64–65].

И.П. Филевич отметил, что наряду с малорусскими голосами, отстаивавшими малорусский язык, были и другие голоса, тех, кто не заглядывался на Австрию и считал, что Галиция должна идти за Малороссией, а не наоборот. «Эти малороссы оставляли в стороне лингвистические тонкости, но они очень желали серьёзно обсудить потребности нашей жизни в связи с её действительным положением. Этим малороссам был, по-видимому, очень дорог Шевченко и "нежный малорусский говор", но, по-видимому, были также дороги и оригинальные произведения Гоголя, а не их "украинсько-русские" перелицевания. По-видимому, и эти малороссы не вполне были довольны установившимися за последнее время русско-малорусскими отношениями». К сожалению, им не удалось высказаться, и их голоса «были совершенно заглушены шумными провозглашениями лингвистических генеалогий и аналогий» [24: 71].

Другой чертой полемики было то, что хоть она и была посвящена галицким делам, сведения о них были «довольно смутны», что приводило к тому, что в одних и тех же органах появлялась противоположная информация [24: 67]. «Спор не был разрешён, но голоса обеих партий (общерусской и украинофильской) звучали в Галичине гораздо определённое, чем у нас», – отметил учёный [24: 71]. Причём «положение русской партии, провозглашающей национальное единение всех русских народностей, не могло быть особенно легко в австро-польской обстановке галицкой жизни. С 80-х годов эта партия стала подвергаться открытому преследованию. Значительная часть представителей русских изданий была заключена в тюрьму, а митрополит кардинал С. Сембратович налагал на эти издания чуть не интердикт. Но партия

не погибла, и в этом, кажется, нельзя не видеть яркого доказательства её жизненности» [24: 73].

Автор перечислил «главные факты галицкой жизни за последние годы»: спор о правописании, работу «азбучной комиссии», т. н. временную «консолидацию» «народовецкой» и «москвофильской» партий, распад «консолидации» и провозглашение «русько-украинської» партией её принципов национальной «самостийности» и «окремишности» [24: 73].

В полемике 1898 г. «Киевская старина» не принимала участия. Она «заговорила о галицких делах только после того, как профессор Флоринский обратил внимание на их отголоски в чешской литературе» в 1899 г. [24: 74] (имеется в виду статья И. Франко «Literatura ukrajínsko-ruská (maloruská)», части которой были опубликованы в 1898 г. в чешском журнале «Slovanský přehled». – С.С.). Газетная полемика показала, что и в России есть сторонники точки зрения галицкой «українсько-руської» партии, сторонники обособления малорусского народа. В то же время оказалось, что в России есть и другое украинофильство, оно «дорожило Шевченко, но не желало отказаться от подлинного Гоголя. Оно указывало на великороссиянку Марко Вовчка как на живой пример взаимного русско-малорусского обмена». «Оно было, по-видимому, недовольно стеснительной регламентацией русско-малорусских отношений и могло бы доказать, что подобная регламентация диктовалась иногда вовсе не русскими интересами. Оно требовало для этих отношений свободы соответственно естественным потребностям русской жизни. К научным рефератам на малорусском, или – точнее – "українсько-руськом" языке, оно, по-видимому, относилось скептически, требуя, прежде всего, более внимательного изучения и более заботливого отношения к памятникам своей малорусской старины» [24: 77–78].

«Киевская старина» поддержала точку зрения И. Франко. «Особенно ярко обнаружилась она в статьях самого редактора журнала г. Науменко, которые появились с января 1899 г. Он заявил, что Франко обосновывает свои взгляды на украинскую литературу "путём беспристрастного научного рассмотрения давно прошедшей жизни Украины-Руси"» [24: 78]. Свообразным ответом на точку зрения Науменко был выход в январе того же года во Львове журнала «Живое слово» под редакцией Ю.А. Яворского на русском литературном языке [24: 79].

В статье «Карпатская Русь накануне XX века» (1905) И.П. Филевич поставил перед собой задачу ответить на вопрос, как отразилась на Карпатской Руси «движущая идея века, какое наследие оставил он по себе веку новому», учитывая, что «в силу политического обособления Карпатская Русь переживала период европейского обновления

вместе с австрийским славянством и отдельно от России» [25: 45–46].

Говоря о первых годах австрийского правления, И.П. Филевич напоминает, что вначале австрийские чиновники не могли определиться насчёт русского населения края: посчитали, что «это – народность не то "российская", т. е. одинаковая с жителями русского государства, не то "иллирийская"». Говоря о положительных сторонах австрийского правления, учёный отмечает, что австрийские власти сразу поняли характер польско-русских отношений в крае и «сразу стали на сторону подавленной Руси, состоявшей в сущности из бесправной массы "хлопов и попов русской веры"». Шляхта была поставлена в рамки закона, улучшилось положение и образование русского духовенства. Во Львове был открыт немецкий университет (1784), с 1787 г. «некоторые предметы читались здесь русским богословам на тогдашнем русском литературном или славяно-русском языке, что сообщало самому университету в известной мере русский характер» [25: 46].

Вскоре австрийцы определились с названием народности: «Австрия выбрала для этого старый термин папской канцелярии: *ruthenus* (*ruthene, ruthenisch*), решительно исключив из употребления другой, соответствовавший народному обозначению и в начале нередко попадавшийся в официальных австрийских бумагах: *russe, russisch*» [25: 46]. Была устранена неопределённость польской терминологии, «слово "русин" имело два значения: в применении к бесправной народной массе оно сохраняло свой этнографический смысл, связывая Русь польского государства со всею остальною Русью; в применении к лицам и группам, возвышавшимся над уровнем массы, оно обозначало людей русского рода и веры, но польской культуры. Последняя очень скоро претворяла таких русинов в совершенных поляков, а потому "русинство" составляло в Польше в сущности лишь временную стадию перерождения Руси в Польшу». Однако это не соответствовало государственным интересам Австрии. *Рутены* должны были оставаться *рутенами*, т. е. самостоятельной народностью среди славянских и неславянских народов Австрии. Так появился «рутенский вопрос» в Галиции, определилось его отношение к полякам. После окончательного падения Польши Австрия стала граничить с Россией, и «австрийскому правительству приходилось подумать об ограждении своих "рутенов" от влияния могущественной соседки». Однако после смерти Екатерины II изменился характер русско-польских отношений, с «"дней Александровых счастливого начала" у Австрии исчезли всякие опасения насчёт русского соседства». Российская власть закрепила формы польского влияния над Западной Русью. «Австрийские "рутены" имели полное основание трепетать пред такую участь и как утопающие всеми силами хватались за Австрию». «Так,

в силу обстоятельств обозначилась и другая сторона "рутенского" вопроса: "рутены" сами должны были страстно желать как можно более обособиться от России, стать австрийцами» [25: 47–48].

С другой стороны, положение, созданное Александром I, не могло не отозваться на Галиции: «почувствовав свою силу, поляки запротестовали против "рутенства"», считая «рутенков» чистой фикцией. «Есть только "русины" – хлопы, со своими хлопскими попами. Таковыми им и подобает оставаться». Положение «рутенков» оказалось сложным: «как вырабатывать народность без языка?». Власти неоднократно предлагали духовенству употреблять понятный для паствы местный народный язык, «настоящий ruthenisch». «В 1818 г. митрополит (Михаил Левицкий. – С.С.) торжественно заявляет властям, что его паства – вовсе не "россияне", а "рутены", что они спокон веку говорят своим собственным "рутенским" языком, писали и пишут на нём же, что русский (russische, "российский") язык резко отличается от "рутенского" и совершенно чужд "греко-католическому" населению Галичины» [25: 48–49].

Каноник И. Могильвицкий в статье «O jezyku raskim», помещённой в учёном издании библиотеки Оссолинских за 1829 г., по мнению И.П. Филевича, дал «первый опыт научной формулировки вопроса о взаимных отношениях русских народностей». Взгляды автора сложились «под влиянием многовекового политического разобщения русского народа», и он вывел «не две народности одного народа, а две отдельные, самостоятельные национальности – "российская" и "рутенская"; границу между ними составлял старый московско-литовский рубеж». Его теории, как и произнесённой ранее речи митрополита, мало кто поверил. И до 1848 г. «"рутенизм" оказался пригодным лишь для официального парада и не мог осилить даже традиционного "русинизма". Галицкая Русь всё более и более мертвела» [25: 50].

«Весна европейских народов» в Карпатской Руси сказалась иначе, «потому что наравне с всей Западной Русью она давно потеряла всю свою листву и сохранила лишь глубоко вросшие в родную землю корни». «Рутенский» вопрос оказался вопросом, выходящим за пределы Габсбургской державы; связанный с Польшей и Россией, он «стал чем-то вроде тяжёлого кошмара как для пражского съезда (славянского. – С.С.), так и для венского и кромержижского парламентов» [25: 51].

1848 г. «оставил глубокий след в жизни Карпатской Руси», она «прошла первый курс настоящей политической школы». «Впервые был поставлен ряд вопросов, составляющих и поныне злобу карпаторусской жизни. Политически разрозненные части Карпатской Руси обнаружили взаимное тяготение, мелькнул даже вопрос об их

объединении». «Тогда же всплыл вопрос и о русском литературном языке» [25: 52]. В 1849 г. через территорию Карпатской Руси прошли русские войска (венгерский поход русской армии). Встреча их с местным населением не прошла бесследно: «племенное единство Руси обнаружилось теперь ясно для всех, обнаружилась и справедливость поговорки, которую очень любил повторять даже такой "рутенец", как М. Гарасевич: "велика русска маты"» [25: 53].

Учёный считал, что в 1848 г. «русинство» (в таком понимании, как его представляли поляки) «было убито» деятельностью «Русского собора» с его «русской шляхтой». «Рутены» преобразились, «и атмосфера Карпатской Руси сразу очистилась. Но Русь не была хозяином в своей хате, и вследствие этого "рутенский" вопрос продолжил своё существование». «Рутенов» провозгласили «тирольцами востока», наместником Галиции назначили графа Агенора Голуховского, и в австрийской политике наметился переход на сторону «исторической нации» [25: 53].

Новый наместник должен был «понемногу парализовать пробуждение галицко-русского общества, уничтожить его организацию», «поднять пошатнувшееся значение "политической нации"». С отменой Конституции это сделать не представляло труда, и «десятилетнее правление Голуховского не оставляет сомнения, что он был орудием Вены, выбранным по указанию» графа Франца-Серафа фон Штадион-Вартгаузена (устар. Стадион; 1806–1853). В своих записках о «Рутении» (1849) и о русском языке в школах (1851) Голуховский указал Вене на опасность «неизбежного возникновения вопроса о культурном и политическом единстве всея Руси» [25: 53–54].

С «октябрьского диплома» (австрийский конституционный закон от 20 октября 1860 г. – С.С.) начинается попытка оздоровления австрийской государственности. «На первом галицийском сейме полякам предоставлена была почти полная возможность устраиваться в Галиции сообразно их интересам и планам». Положение поляков в государстве «создавало в Галиции полную иллюзию старой Польши». «Галицкая Русь начала переходный период австрийской жизни "обрядовым движением", затем, похоронив надежды, какие возлагала на сейм, открыто заявила о своём единстве со всею остальною Русью и наконец... раскололась на две партии». Обрядовое движение ставило своей целью восстановить чистый униатский обряд, т. е. убрать из него «латинские примеси», из-за которых происходило «выветривание из унии её русских начал». И.П. Филевич пишет, что «связь обрядового движения с жизнью остальной Руси обнаружилась через Холмщину» [25: 54–55].

Автор отметил, что «с освобождением крестьян русский народный характер всей Западной Руси обнаружился так ярко, что он должен

был, наконец, лечь в основу внутренней русской политики на всём громадном пространстве русского запада, в том числе и входящей в административный состав так называемого Царства Польского – Холмщины. Это была наиболее приниженная и народно-обезличенная часть Данилова наследия, но всё же на дне её придавленной польщизной души теплилась ещё смутная память о Киеве как общей русской матери, о Владимире Святом, о Романе и Данииле. Это было замечено сразу, и в запущенном Холме закипела новая жизнь». Причём, как отмечает автор, её общий высокий темп по всей Руси придал и реформам в Царстве Польском характер, несопоставимый с деятельностью первого галицкого сейма [25: 55–56].

Униатский характер Холмщины указывал на такой же путь, по которому пошла Карпатская Русь. «По призыву Милютина и Черкасского в Холмщину собралось немало русских людей с разных концов России, особенно южнорусов и, в частности, киевлян (Ф.Г. Лебединцев, Е.М. Крыжановский, на короткое время П.А. Кулиш), а наряду с ними стали в общий дружный строй и приглашённые сюда же галичане с знаменитым своим "батюком" – епископом Михаилом (Куземским). На живом деле обновления русской народности в Холмщине русская государственность получила задачу показать свою способность к объединению и организации раздробленных русских общественных сил». Но, как отмечает автор, «униатская эпопея в Холмщине дала полнейшее фиаско. Благодарнейшее дело было проиграно перед лицом всей Руси, Польши и всего славянства, проиграно так, как трудно было бы проиграть даже по конкурсу на наихудший исход...» (подробнее в статье И.П. Филевича «Забывтый угол». – С.С.). Имело это последствия и для Карпатской Руси: силы Галичины и отчасти Угорской Руси были ослаблены эмиграцией в Холмщину, из Холмщины, наоборот, «направились в Галичину самые фанатические и озлобленные против России представители холмского "русинства". При их содействии начатое в Галичине обрядовое движение продолжается и поныне, но, конечно, в обратном направлении» [25: 56].

Заявление галицкого «Слова» о единстве всего русского народа от Тисы до Великого океана вызвало раскол [25: 57, 60]. Причины его учёный видел «в австрийской обработке одного и того же русского вопроса, который, по существу дела, неразрывно связан с самыми крупными факторами русской и славянской жизни». О «русинстве» и «рутенстве» автор писал ранее. Он считал, что с 1848 г. выяснилось большое политическое значение «русского вопроса», чем «ярче обрисовывается связь политической его стороны с культурною, тем ярче выступает *всеславянский* его характер. На почве Карпатской Руси это обнаруживается с осязательною наглядностью, между прочим, в

отождествлении "панславизма" с "москвофильством"» [25: 57–61].

Говоря о том, что «нового представляет обнаружившийся после заявления "Слова" и теперь на наших глазах окончательно оформившийся "украинсько-руський" национализм», И.П. Филевич отмечает: «Главный его лозунг – национальная отдельность ("окремишность" или "видрубность" – *odrębność*) как от поляков, так и от "россиян"... с 1867 г. эта идея развивается с удручающим однообразием во всех "русских", "руських" и, наконец, современных "украинсько-руських" изданиях и писаниях» [25: 61]. Завершается это всё в 1890 г. т. н. «танцюристым раем» известной «новой эры». Автор ставит вопрос: «Что же во всём этом нового? Ведь ещё в 1849 г. один из видных рыцарей старой Австрии очень красноречиво изобразил по этому же поводу свои чувства». Он приводит слова гр. Стадиона, который, в частности, заявил: «Чего не в силах была сделать Польша, то сделает Рутения: она раздавит извивающуюся около её гнезда змею» [25: 62–63].

Завершается статья оптимистично: «Мы, русские, особенно по ближайшем знакомстве со своим родным миром, не можем и сомневаться в будущей великой роли и русского языка, и русского народа. Но было бы нелепо детски ласкать себя надеждой, что это величие может быть достигнуто без всякой борьбы, без энергических усилий с нашей стороны» [25: 63].

В монографии «Из истории Карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни с 1772 г. (1848–1866)», изданной в Варшаве в 1907 г., И.П. Филевич описывает историю присоединения Галиции к Австрии и положение русинов в крае. Австрия, вытеснив польских конфедератов, заняла обширную область, которая получила название Королевство Галиции и Лодомерии, манифест о присоединении был издан 11 сентября 1772 г. 19 сентября был занят Львов, оставленный русскими войсками, которые находились здесь с 1764 г. В Вене была издана брошюра, доказывавшая права венгерской короны на данные земли. Для стратегических целей владения надо было округлить, и в марте 1774 г. в состав австрийского государства вошла Буковина, бывшая частью Молдавского княжества [26: 1–3].

Первый губернатор Галиции граф Перген передал Иосифу II во время посещения им Львова в 1773 г. подробную записку о состоянии края. В нём также было отмечено, что большую часть сельского населения составляют русские, что между русским и польским духовенством существует вражда, советовал обратить внимание на экономическое положение крестьян и таким образом привлечь их на свою сторону. Он не советовал оказывать русским особого покровительства, но сообщал, что «они могут составить очень удобное орудие против

польского правящего класса». Позднее гофрат (надворный советник) Коранда, ведавший школьными делами, считал, что большинство населения составляет «народ не польский, язык этого народа близок к "российскому" или иллирийскому». Коранда полагал что польский язык не подходит для преподавания [26: 4].

Далее автор попытался «проследить этот новый процесс галицко-русской жизни, по крайней мере, в главнейших чертах». Он указывает, что Галичина раньше других западнорусских областей вошла в состав польского государства. Полувековая борьба с Польшей (1340–1386 гг.) «закалила дух галичан, а Кревская уния в значительной мере восстановила их связь с остальной Русью». Галичина приняла унию позже других западнорусских земель. В 1768 г. «в книгах галицкого суда занесено было наместником скитским по поручению игумена и всего скитского собора заявление от имени всех соседних жителей монастыря (Манявского скита в южной части Галичины. – С.С.), "всякого звания и состояния, что они, узнав о признании свободы православного исповедания (согласно ходатайству русской императрицы), открыто признают себя исповедниками той святой православной веры, которую до сих пор хранили в своём сердце"». В северной части Галичины, в Жолкве, хранились мощи святого Иоанна Нового, перевезённые туда из Сучавы Собеским и возвращённые лишь в 1783 г. Все эти годы на поклонение святым мощам покровителя Молдавии в Жолкву ежегодно приходила «масса православных буковинцев, "поддерживающих в галицких униатах живую память об их старой вере"» [26: 5–6].

В 1911 г. вышел сборник статей русского православного богослова, члена учёного совета при Синоде Е.М. Крыжановского (1831–1888) «Русское Забужье. Холмщина и Подляшье» с предисловием «К холмскому вопросу» И.П. Филевича [3: V–XLVI]. Сборник включал в себя труд Е.М. Крыжановского, относившийся «к русскому Забужью, т. е. Холмщине и Подляшью или, по-местному, Подлясью». В работах исследователя «эта полоса русской земли предстаёт перед нами в том своём виде, в каком она оказалась после полувекового полного обособления от русского мира, когда, оторванная от русских земель на правом берегу Буга и от Галицкой Руси, она испытала на себе сильное воздействие не только польского католического строя, но и того нового бытового уклада, который сложился в Польше с наполеоновской эпохи». Как происходило это воздействие и как возникли в Холмщине те особенности, которые в 60-е гг. XIX в. заметно отличали её от «вполне однородных с нею земель на правом берегу Буга и в Галиции», – это и разъяснил Крыжановский на основании документов и личных впечатлений [3: XXXVIII].

С 1865 по 1871 г., как писал И.П. Филевич в предисловии, Е.М. Крыжановский состоял начальником седлецкой учебной дирекции и объездил всё Подляшье, местные связи сохранились у него надолго «и служили самым верным и живым источником для уяснения и оценки дальнейших перипетий русского вопроса в Холмщине», что придаёт его статьям особую ценность. Его труды представляют «единственное серьёзное и беспристрастное освещение тех двух периодов холмской жизни, влияние которых сказывается в нынешних холмских злобах: периода исключительного польского воздействия при полном обособлении от русского мира за время с 1809 до 1863 г. и последующего затем быстрого перелома, закончившегося воссоединением холмских униатов с православием в 1875 г.» [3: XXXVIII]. И.П. Филевич счёл необходимым изложить краткую биографию автора и перечислить его работы по данной тематике [3: XXXIX–XLVI].

В предисловии исследователь даёт историю холмского вопроса и его решение, которое предлагает внесённый 24 апреля 1909 г. в Думу законопроект. Идея об объединении «всей этой русской территории в одну административную единицу с центром в древнерусском Холме» была высказана князем Черкасским в 1865 г. в журнале комитета по устройству губерний Царства Польского [3: V]. По разным причинам эта идея не была осуществлена. Она вновь появилась в 1875 г., а с 1880-х гг. «холмский вопрос не сходит с очереди, вызывая постоянный обмен взглядов между высшей местной и центральной властью». Каждый варшавский генерал-губернатор высказывался по холмскому вопросу. Например, в записках князя А.К. Имеретинского, представленных министру внутренних дел в 1897 и 1899 гг., приводились аргументы, которые используют противники выделения Холмщины: нецелесообразность в защите интересов русской народности и православия, удручающее впечатление, которое это может произвести на поляков. Из всех губернаторов только граф П.А. Шувалов, в отличие от своего преемника Имеретинского, высказался за образование Холмской губернии [3: VI]. В 1902 г. было назначено «Особое совещание по вопросу об образовании Холмской губернии», которое признало необходимость этого [3: VII].

Манифест 17 октября 1905 г. положил конец той неопределённости, в которой находились в Холмщине не пожелавшие воссоединиться с православием униаты. С 1875 г. «они очутились в категории т. н. "упорствующих" и на грани православного и католического мира составили предмет спора между этими двумя мирами». С выходом манифеста спор этот закончился, и 150 тыс. бывших холмских униатов стали католиками. Если бы дело ограничилось только этим и оно бы не вышло из рамок свободы совести, по словам автора, то это «пришлось

бы признать результатом допущенных раньше ошибок и примириться с этим во всяком случае грустным для православия фактом». Однако это оказалось «только первым звеном длинной цепи, которая сейчас же стала стремительно разматываться». 12 мая 1905 г. шесть русских крестьян Седлецкой губернии с игуменьей леснинской женской обители были приняты императором в Царском Селе. Они пришли, чтобы проверить распускаемый в Холмщине слух, будто бы царь со своей семьёй «оставил православие, принял "единоспасательную католическую веру", признал власть святейшего папы и что именно оттого стали по-прежнему разъезжать по всей Холмщине польские бискупы, как некогда в дни польского панования» [3: VIII].

Действительно, такое впечатление на местное население произвёл торжественный объезд епархии люблинским католическим епископом Ячевским, предпринятый им после объявления манифеста. Этому событию поляки придали большую пышность: епископа сопровождала конная свита из крестьян (т. н. бандерий), иногда насчитывавшая более 1 000 чел., выписанный из Варшавы Польский крестьянский оркестр под управлением К. Намысловского и т. д. На массу русских крестьян это произвело указанное выше впечатление. Надо сказать, что, когда крестьяне-депутаты до встречи с императором побывали у министра внутренних дел А.Г. Булыгина, они приветствовали его словами «Христос Воскрес!», но ответа не получили и сделали вывод, что он «пристал к полякам». Сомнения рассеялись только после встречи с императором. В то время о восстановлении Польши прямо говорили воззвания «Общества опеки над униатами», в которых подвергалась издевательству деятельность православного духовенства, не оставили в покое и крестьян, встречавшихся с царём [3: VIII–X].

«Стремительность польского натиска вызвала у русского населения Холмщины смущение и тревогу». Однако, когда выяснилась «лживость усердно распространяемых по всей Холмщине слухов о повсеместном торжестве латинства над православием», в ноябре 1905 г. в Санкт-Петербург прибыли представители Холмщины с ходатайством о выделении Холмской Руси из Царства Польского в отдельную губернию, если последнее невозможно, просили присоединить русскую территорию к соседним Гродненской и Волынской губерниям. Также представители ходатайствовали об избрании от русского населения Холмщины особого депутата в Государственную Думу, улучшения положения безземельных русских батраков, приостановления планируемого введения григорианского календаря [3: X].

Как пишет И.П. Филевич, «обнаружилась, с одной стороны, полная беспомощность местного русского населения, с другой – полная несклонность поляков признать в Холмской Руси самостоятельную,

отдельную от польской национальную личность». С польской стороны раздавались заявления: «польский край, наша земля, наша собственность». Причём подобную политику проводило не только упоминаемое «Общество опеки над униатами», но это же было в программах и заявлениях польских политических партий [3: X]. Автор упоминает докладную записку графа В. Тышкевича, представленную министру внутренних дел в конце 1904 г. и опубликованную в газетах в январе 1905 г. [3: XI].

С декабря 1905 г. по холмскому вопросу происходит обмен мнениями между центральной властью и местной властью в Варшаве, Киеве и Вильно. Было признано, что с 1902 г. ситуация изменилась и что предоставление в будущем местного самоуправления окраинам может «изменить положение в ущерб русской народности в Холмщине». Однако окончательное решение о выделении Холмской Руси «было отложено до выяснения дальнейших обстоятельств». Они появились очень скоро: польский натиск на Холмщину продолжался, что отметил в официальном отзыве от 22 мая 1906 г. варшавский генерал-губернатор Г.А. Скалон. В октябре 1906 г. холмский епископ обратился к министру внутренних дел с заявлением о необходимости выделения Холмской Руси из Царства Польского, в ноябре стали поступать прошения от местного населения. Поляки считали холмский вопрос решённым и все эти прошения безнадёжными [3: XI–XII]. Однако в ноябре-декабре 1906 г. этот вопрос был снова обсуждён на созданном при Министерстве внутренних дел Особом совещании из представителей местного гражданского и духовного начальства и министерства. Они высказались о «предпочтительности присоединения частей Холмской Руси к Гродненской и Волынской губерниям», не желая производить коренных преобразований, связанных с образованием отдельной губернии. Также были предложены соображения и меры на случай выделения Холмщины в отдельную губернию. Соответствующий законопроект был рассмотрен в Совете министров в январе 1909 г. и 24 апреля был внесён в Государственную Думу [3: XIII].

Далее автор пишет, как «польское общество» решило оказать воздействие на «холмское дело». Кампания начинается с конца 1906 г., её пик приходится на весну 1909 г., когда холмский законопроект вносится на рассмотрение в Думу. «К голосам польской печати присоединяется тогда целый ряд заявлений»: польского кола в Венском парламенте, многочисленных народных собраний в Галиции и даже в Силезии, польских журналистов в Галиции, заявлений и открытых писем отдельных поляков и полек «к разным представителям европейского общественного мнения». Как отметил учёный, «громкие отголоски польских мотивов раздавались и в русской

печати, особенно в газете "Русь", а также "Речь". Не оставлена была без внимания и печать славянская». Автор отметил «одушевление и единодушие» поляков «в отстаивании своих прав на Холмщину перед европейским и русским общественным мнением», такое же, с каким «они двинулись на окончательное её ополячивание после апрельского манифеста» [3: XIII–XIV]. Исследователь подробно разобрал точки зрения и аргументы польской стороны, в т. ч. графа В. Тышкевича, депутата Думы, члена «Холмской подкомиссии» Л. Дымшы, выпустившего книгу «Холмский вопрос» (СПб., 1910), профессора Лембергского университета С. Аскенази и др. [3: XIV–XXXVI].

И.П. Филевич считал, что «польские взгляды и настроения к холмскому вопросу определились с совершенной ясностью». «Для поляков холмский русин – это "польско-русский хлоп" без связи с окружающим его русским миром, но крепко привязанный к католической колеснице, которая оказывается "гарантией польскости", он никогда не станет русским (по польской терминологии "россиянином"), но он, конечно, и не станет поляком, как стали поляками в 1905 г. т. н. "упорствующие", а поэтому следует содействовать движению той колесницы, которая в Холмщине оказывается "гарантией польскости"» [3: XXI].

Автор напомнил, что поляки не смогли отстоять свою точку зрения на холмский вопрос на Славянском съезде в Праге и предшествовавших ему славянских совещаниях в Санкт-Петербурге. Говоря о Славянском съезде, исследователь напоминает, что на нём была делегация русских галичан. В Праге она объединилась в одну общую делегацию с русскими из России. «Благодаря этому польско-русские отношения встали перед съездом во всём своём объёме, и относящаяся к ним резолюция съезда имела в виду всю Русь в её историко-этнографических пределах, совершенно независимо от каких бы то ни было политических или административных границ. Факт этот был признан на съезде и польскими делегатами из Галиции» [3: XXII–XXIII].

Заседания «Холмской подкомиссии» Государственной Думы открылись 17 ноября 1909 г. Прошло 11 заседаний, закончившихся 20 ноября 1910 г. Шестью голосами против трёх и двух воздержавшихся было решено перейти к постатейному чтению законопроекта («Предисловие» было написано до представления доклада подкомиссии в общее собрание Думы. – С.С.) [3: XXVII]. Автор считал, что «около Холмщины всё ещё продолжается старая историческая борьба "ягеллонской" польской идеи обладания Русью и русской идеи освобождения и национального объединения "всей Руси"». По его мнению, «объединение Холмщины с остальной Русью – это завет всей исторической жизни русского народа, долг его национального чувства и совести» [3: XXXVII].

Автор шести монографий и многочисленных научных и публицистических статей, посвящённых истории Карпатской Руси, в т. ч. и Холмщине, И.П. Филевич, как отмечал К.Я. Грот, «по характеру и натуре своей ... обладал большим тактом и выдержкой, не был способен ни "раздражать и допекать", ни вообще опускаться до мелкой вражды и недоброжелательства. Его деликатность, миролюбие и незлобивость были всегда преобладающею его чертою. Но при всём том он был несокрушимо твёрд в своих взглядах и убеждениях православного русского человека, в непоколебимом отстаивании исторических и национальных прав русской народности в пределах Царства Польского (Холмщина) и всюду, где они попирались – то поляками, то чужеземною властью (в Австро-Венгрии). А его всегдашняя откровенность, прямота и благородство в действиях, выступлениях и речах располагали к нему не только единомышленников, но и более широкие круги общества» [1: 37–38].

Большинство российских исследователей изучали историю Карпатской Руси фрагментарно, она не являлась предметом их постоянного научного интереса. Внимание к ней возникало либо во время командировок / путешествий, либо в связи с какими-то важными политическими и иными событиями. Для И.П. Филевича же история Карпатской Руси, включая Холмщину, была связана с его происхождением. Ему были небезразличны дальнейшие судьбы этих осколков Галицко-Владимирской Руси и его населения, что придавало ему сильную мотивацию в её изучении. Он был хорошо знаком с историей и реалиями этого региона. Его характеристика общественно-политической жизни Галичины и Холмщины, чёткая периодизация истории Галицкой Руси, начало разработки истории Трансильванской Руси не только сыграли большую роль в активизации изучения истории данных регионов со стороны научного сообщества и интереса к ней со стороны общественности, но и оказали большое влияние на решение вопроса о выделении Холмщины с Подляшьем в отдельную губернию.

Его замечания по поводу ошибок, допущенных во время русификации Холмщины и воссоединения её униатов, и высказанные им рекомендации помогли бы, если бы к ним прислушались на государственном уровне, избежать многих допущенных просчётов как в Холмщине, так и в Галичине, когда она была временно оккупирована Россией во время Первой мировой войны. Как, впрочем, и при присоединении Галичины к СССР и оставлении Холмщины в составе Польши.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грот К. И.П. Филевич (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1913. Май. Ч. 45. Отд. IV. С. 26–46.

2. Захарчин Н. Політична полеміка в російській пресі як відображення позиції російської громадськості до ідеї створення Холмської губернії // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Історія. 2010. № 2. С. 59–64.

3. Крыжановский Е.М. Русское Забужье. Холмщина и Подлясье: сб. ст. Е.М. Крыжановского с предисловием «К холмскому вопросу» И.П. Филевича. СПб.: тип. «Мирный труд», 1911. XLVI, 438 с.

4. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

5. Суляк С.Г. Н.И. Надеждин и Карпатская Русь // Русин. 2020. № 61. С. 41–66. DOI: 10.17223/18572685/61/4

6. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть 1. Биография // Русин. 2020. № 62. С. 32–49. DOI: 10.17223/18572685/62/3

7. Филевич И.П. Забытый угол // Исторический вестник. 1881. Т. 5. Май. С. 79–99.

8. Филевич И.П. Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с Высочайшего соизволения П.В. Батюшковым. Вып. VII: Холмская Русь (Люблинская и Седлецкая губернии Варшавского генерал-губернаторства). СПб., 1885 г. (с приложением большого альбома рисунков). Критика и библиография // ЖМНП. 1885. Март. Ч. 238. С. 150–159.

9. Филевич И.П. Памятники Холмской Руси. Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с Высочайшего соизволения П.В. Батюшковым. Выпуск VIII. Холмская Русь (Люблинская и Седлецкая губернии Варшавского генерал-губернаторства). СПб., 1885 г. Критика и библиография // ЖМНП. 1886. Март. Ч. 244. С. 117–140.

10. Филевич И.П. К. Горжицкий. Соединение Червонной Руси с Польшей Казимиром Великим. Львов, 1889. Критика и библиография // ЖМНП. 1889. Сентябрь. Ч. 265. С. 131–138.

11. Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. Исторические очерки. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1890. X, 233 с.

12. Филевич И.П. К вопросу о борьбе Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие // ЖМНП. 1891. Декабрь. Ч. 278. С. 318–342.

13. Филевич И.П. Вопрос о воссоединении западно-русских униатов в его новейшей постановке. По поводу исслед. П.О. Бобровского «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I». СПб., 1890. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1891. [2], 31 с.

14. Филевич И.П. Угорская Русь и научные вопросы, с нею связанные // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 / Под ред. графини Уваровой и С.С. Слуцкого. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. Т. 2. С. 100–101.

15. Филевич И.П. Польша и польский вопрос. М.: Унив. тип., 1894. [2], 104 с.

16. *Филевич И.П.* Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1894. [2], 32 с.
17. *Филевич И.П.* О разработке географической номенклатуры // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 / Под ред. графини Уваровой. М.: Типография Э. Лисснера и А. Гешеля, 1899. Т. 1. С. 327–339.
18. *Филевич И.П.* Очерк карпатской территории и населения // ЖМНП. 1895. Апрель. Ч. 298. С. 361–385; Ч. 299. С. 156–218.
19. *Филевич И.П.* История Древней Руси. Т. 1. Территория и население. Варшава: в тип. Ф. Чернака, 1896. X, 383, [1] с.
20. *Филевич И.П.* Программа для собирания сведений по этнографии Холмской Руси // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1900. 2 апреля. № 14. С. 168–171.
21. *Филевич И.П.* По поводу теории двух русских народностей. Львов: Галицко-русская матица, 1902. [1], 59 с.
22. *Филевич И.П.* По поводу теории двух русских народностей / Сост. серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2005. С. 23–60.
23. *Филевич И.П.* Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина». Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1902. [2], 45 с.
24. *Филевич И.П.* Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина» // Русская Галиция и «мазепинство» / Сост. серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2005. С. 61–87.
25. *Филевич И.П.* Карпатская Русь накануне XX века // Новый сборник статей по славяноведению. Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников, по случаю 50-летия его учёно-лит. деятельности. СПб., 1905. С. 45–63.
26. *Филевич И.П.* Из истории Карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни с 1772 г. (1848–1866). Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1907. [2], 162 с.

REFERENCES

1. Grot, K. (1913) I.P. Filevich (Nekrolog) [I.P. FiLevich (Obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. May. Ch. 45. pp. 26–46.
2. Zakharchin, N. (2010) Politichna polemika v rosiys'kiy presi yak vidobrazhennya pozitsii rosiys'koï gromads'koi do ideï stvorenniya Kholmsh'koï gubernii [Political controversy in the Russian press as a reflection of the position of the Russian public to the idea of creating the Chełm province]. *Naukovi zapiski Ternopil's'kogo natsional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni Volodimira Gnatyuka. Seriya: Istoriya*. 2. pp. 59–64.
3. Kryzhanovsky, E.M. (1911) *Russkoe Zabuzh'e. Kholmshchina i Podlyash'e*. Sb. st. E.M. Kryzhanovskogo s predislavim "K kholmskomu voprosu" I.P. Filevicha [Russian Zabuzhie. Chełm Land and Podlasie. Collected articles by E.M. Kryzhanovsky with a preface "To the Chełm Question" by I.P. Filevich]. St. Petersburg: Mirnyy trud.
4. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

5. Sulyak, S.G. (2020) N.I. Nadezhdin and Carpathian Rus. *Rusin*. 61. pp. 41–66 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/61/4
6. Sulyak, S.G. (2020) I.P. Filevich and Carpathian Rus. Part 1. Biography. *Rusin*. 62. pp. 32–49 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/62/3
7. Filevich, I.P. (1881) Zabytyy ugol [A Forgotten Corner]. *Istoricheskiy vestnik*. 5. pp. 79–99.
8. Filevich, I.P. (1885) Pamyatniki russkoy stariny v zapadnykh guberniyakh, izdavaemye s Vysochayshego soizvoleniya P.V. Batyushkovym [Monuments of Russian antiquity in the western provinces, published with the highest consent of P.V. Batyushkov]. Vol. 7. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 238. pp. 150–159.
9. Filevich, I.P. (1886) Pamyatniki Kholmskoy Rusi. Pamyatniki russkoy stariny v zapadnykh guberniyakh, izdavaemye s Vysochayshego soizvoleniya P.V. Batyushkovym [Monuments of Chełm Rus. Monuments of Russian antiquity in the western provinces, published with the highest consent of P.V. Batyushkov]. Vol. 8. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 244. pp. 117–140.
10. Filevich, I.P. (1889) K. Gorzhitskiy. Soedinenie Chervonnoy Rusi s Pol'shey Kazimirom Velikim). L'vov, 1889. Kritika i bibliografiya [K. Gorzycki. The connection of Chervonnaya Rus with Poland by Casimir the Great). Lvov, 1889. Criticism and bibliography]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 265. pp. 131–138.
11. Filevich, I.P. (1890a) *Bor'ba Pol'shi i Litvy-Rusi za Galitsko-Vladimirskoe nasledie. Istoricheskie ocherki* [The struggle of Poland and Lithuania-Rus for the Galicia-Vladimir Legacy. Historical Essays]. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva.
12. Filevich, I.P. (1891) K voprosu o bor'be Pol'shi i Litvy-Rusi za Galitsko-Vladimirskoe nasledie [On the struggle of Poland and Lithuania-Rus for the Galicia-Vladimir legacy]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 278. pp. 318–342.
13. Filevich, I.P. (1890b) *Vopros o vossoedinenii zapadno-russkikh uniatov v ego noveyshey postanovke. Po povodu issled. P.O. Bobrovskogo "Russkaya greko-uniatskaya tserkov' v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I"* [The reunification of the Western Russian Uniates in its newest formulation. Concerning P.O. Bobrovsky's "Russian Greek-Uniate Church during the reign of Emperor Alexander I"]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.
14. Filevich, I.P. (1897a) Ugorskaya Rus' i nauchnye voprosy, s neyu svyazannye [Ugrian Rus and scientific issues related to it]. *Trudy Devyatogo arkheologicheskogo s'ezda v Vil'ne*. 2. pp. 100–101.
15. Filevich, I.P. (1894a) *Pol'sha i pol'skiy vopros* [Poland and the Polish question]. Moscow: Universitetskaya tip.
16. Filevich, I.P. (1894b) *Ugorskaya Rus' i svyazannye s neyu voprosy i zadachi russkoy istoricheskoy nauki* [Ugrian Rus and relevant issues and tasks of Russian historical science]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.
17. Filevich, I.P. (1899a) O razrabotke geograficheskoy nomenklatury [On the development of geographical nomenclature]. In: Countess Uvarova (ed.). *Trudy Desyatogo arkheologicheskogo s'ezda v Rige. 1896* [Proceedings of the

Tenth Archaeological Congress in Riga. 1896]. Vol. 1. Moscow: E. Lissner and A. Geschel. pp. 327–339.

18. Filevich, I.P. (1895a) Oчерk karpatskoy territorii i naseleniya [A sketch of the Carpathian territory and population]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 298. pp. 361–385; 299. pp. 156–218.

19. Filevich, I.P. (1896a) *Istoriya drevney Rusi* [The History of Old Russia]. Vol. 1. Warsaw: F. Chernak.

20. Filevich, I.P. (1900) Programma dlya sobiraniya svedeniy po etnografii Kholmской Rusi [A program for collecting information on the ethnography of Chetm Rus]. *Kholmско-Varshavskiy eparkhial'nyy vestnik*. 14. pp. 168–171.

21. Filevich, I.P. (1902a) *Po povodu teorii dvukh russkikh narodnostey* [Regarding the theory of two Russian nationalities]. Lvov: Galitsko-russkaya matitsa.

22. Filevich, I.P. (2005a) *Po povodu teorii dvukh russkikh narodnostey* [Concerning the theory of two Russian nationalities]. Moscow: Imperskaya traditsiya. pp. 23–60.

23. Filevich, I.P. (1902b) *Vopros o dvukh russkikh narodnostyakh i "Kievskaya starina"* [The question of two Russian nationalities and "Kievskaya starina"]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.

24. Filevich, I.P. (2005b) *Vopros o dvukh russkikh narodnostyakh i "Kievskaya starina"* [The question of two Russian nationalities and "Kievskaya starina"]. In: Smolin, M.B. (ed.) *Russkaya Galitsiya i "mazepinstvo"* [Russian Galicia and the "Mazepa Movement"]. Moscow: Imperskaya traditsiya. pp. 61–87.

25. Filevich, I.P. (1905) *Karpatskaya Rus' nakanune XX veka* [Carpathian Rus on the eve of the 20th century]. In: Draganov, P. et al. *Novyy sbornik statey po slavyanovedeniyu* [New Collection of Articles on Slavic Studies]. St Petersburg: [s.n.]. pp. 45–63.

26. Filevich, I.P. (1907) *Iz istorii Karpatskoy Rusi. Oчерki galitsko-russkoy zhizni s 1772 g. (1848–1866)* [From the history of Carpathian Rus. Essays on Galician-Russian life from 1772 (1848–1866)]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru